МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет ПИ им. В. Г. Белинского	Кафедра «История России, краеведение и методика преподавания истории»
Направление подготовки	44.03.01 – Педагогическое образование
Профиль	История

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:
Политическая культура русских княжеств в XIII веке

Студент	_____ (подпись, дата)	**Ильин Кирилл Александрович**
Научный руководитель	_____ (подпись, дата)	**Сухова О.А.**
Нормоконтролер	_____ (подпись, дата)	**Сухова О.А.**

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 30.05.2016 № 10)

Заведующий кафедрой _____ (подпись, дата) **Кондрашин В.В.**

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № ___)

Секретарь ГЭК _____ (подпись, дата) **Кузьмина Т.Н.**

Пенза, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. Особенности политического управления в русских землях в XIII в. 9
1.1 Мотивация политического поведения русских князей в I трети XIII в. 9
1.2 Политическая культура русских княжеств во II трети XIII – конце XIII вв. 19
ГЛАВА 2. Политическая культура международных отношений в русских землях в XIII в. 30
2.1 Ценностные ориентации и стереотипы поведения русских князей в отношениях с европейскими государствами 30
2.2. Политическая культура русско-монгольских отношений 44
ГЛАВА 3. Применение результатов исследования в преподавании истории в средних общеобразовательных учреждениях 53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 64
1. Источники 64
2. Литература 66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обуславливается, прежде всего, тем, что вся российская политическая культура (особенно касательно внешней политики) уходит корнями именно в тринадцатое столетие, когда русские государственные образования оказались впервые активно вовлеченными в очередной мировой передел сфер влияния цивилизаций. Более того, в силу феодальной раздробленности, каждая часть Руси была вольна избрать свой исторический путь. Благодаря этому, мы можем наблюдать всю вариативность моделей политических культур, которые возможны для русской государственности, и делать выводы о степени эффективности и развитости той, или иной модели.

Объектом исследования являются внутренняя и внешняя политика русских княжеств в XIII в. и связь этой политики с менталитетом разных слоев общества в том, или ином княжестве.

Предметом исследования являются, во-первых, внутриполитическая культура трех основных частей, на которые распалось Древнерусское государство: Северо-Восточной, Северо-Западной и Юго-Западной Руси, во-вторых, внешнеполитическая культура двух приоритетных для русских княжеств направлений: отношения с Монгольской империей и с германской (германоязычной) частью Европы, а, следовательно, и с римской курией, в-третьих, ценностные ориентации, как во внешней, так и во внутренней политике главных русских политических деятелей XIII в.

Хронологические рамки работы определяются периодом всего XIII в. Выбор хронологических границ обусловлен наименьшей изученностью общественных и политических процессов, протекавших в период закрепления феодальной раздробленности на Руси, т.е. в XIII в.

Территориальные рамки исследования включают в себя три основных центра эпохи раздробленности в русских землях: Северо-Восточную, Юго-Западную и Северо-Западную Русь. Под эти рамки также

попадают зависимые от этих трех центров земли и княжества, а также близлежащие территории, где проживало русское население.

Степень изученности проблемы. В дореволюционной историографии в некоторых работах отечественных историков можно встретить отрывочные сведения, касательно XIII в., которые условно можно отнести к истории политической культуры. К таким работам относятся: «История государства Российского» Н.М. Карамзина[1], «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева[2], «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н.И. Костомарова[3] и «Россия и Европа» Н.Я Данилевского[4]. Однако, эти сведения весьма кратки, и, к тому же, спорны, в частности, касательно «Истории государства Российского», Н.М. Карамзин пренебрегает ссылками на источники. У остальных из перечисленных историков сведения о культуре власти XIII в. сильно «растворены» в их собственных исторических концепциях, и потому придать этим сведениям сколько-нибудь концентрированную форму не представляется возможным.

Политической культуре в целом и ценностным ориентациям в политике отдельных исторических личностей традиционно уделялось мало внимания и в советской историографии. Это обуславливается тем, что эти понятия отчасти лежат в плоскости менталитета и этнопсихологии. В свою очередь, эти плоскости в отечественной историографии долгое время считались эфемерными, и по сему, слабо изучались. Отсюда слабая изученность российской политической культуры вообще (в том числе, и в современной отечественной науке), и практически полное отсутствие знаний о политической культуре русского Средневековья. Эпизодичные и очень краткие сведения можно обнаружить в трудах советских и российских ученых, но только по культуре русско-европейских отношений. Прежде всего, в этом отношении стоит отметить историков-медиевистов В.Т.

[1] Карамзин Н.М. История государства российского в 12 т. СПб, 1819. Т. 4. С. 5 – 153.
[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 29 т. СПб, 1851. Кн. 1. Т. 3. С. 669 – 902.
[3] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 102 – 139.
[4] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М., 2014. С. 194 – 246.

Пашуто[1], И.П. Шаскольского[2], Е.Л. Назарову[3], А.А. Горского[4] и М.А. Бредиса[5]; историка-религиоведа Б.Я. Рамма[6]; историка-филолога В.И. Матузову[7] и современного историка Д.Г. Хрусталева[8]. Касательно политической культуры русско-монгольских отношений в XIII в., в какой-то степени, таковую затрагивает в своих работах Л.Н. Гумилев[9, 10, 11], но в рамках отношений Руси и Монгольской империи в целом. В зарубежной историографии исследований, посвященных политической культуре русских княжеств в XIII в. не обнаружено.

Таким образом, тема настоящего исследования является практически неизученной, т.к. специализированные научные изыскания на эту тематику до сих пор не проводились.

Цель исследования состоит в изучении и комплексном анализе политической культуры русских княжеств в XIII в. Это поможет заполнить имеющийся в исторической науке пробел в знаниях о политической культуре и ценностных ориентаций политических деятелей эпохи зрелого Средневековья на Руси. В соответствии с целью, и исходя из специфики истории XIII в., определяется следующие **задачи исследования**:

– во-первых, в комплексе, как русских, так и европейских источников вычленить и проанализировать специфические исторические события, которые могут свидетельствовать о русской политической культуре. Если же в источнике имеется описание какого-либо любого исторического события, достаточное для того, чтобы сделать выводы о русской политической

[1] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 134 – 302.
[2] Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII – XIII вв. Л., 1978. С. 122 – 226.
[3] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 75 – 385.
[4] Горский А.А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского \\ Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 64 – 75.
[5] Бредис М.А., Тянина Е.А. Орден Меченосцев против Руси. Первый германский поход на Восток. М., 2013. С. 96 – 333.
[6] Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV веках. М., 1959. С. 85 – 179.
[7] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 75 – 385.
[8] Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII – XIII вв. СПб, 2012. С. 141 – 340.
[9] Гумилев Л.Н. От Руси До России. М., 2001. С. 112 – 133.
[10] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб, 2001. С. 442 – 478.
[11] Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 2010. С. 317 – 361.

культуре, значит, требуется проинтерпретировать это описание в нужном для исследования русле;

– во-вторых, на основе сведений, содержащихся в источниках о ключевых фигурах отечественной истории XIII в. (таких, как князья Мстислав Удатный, Ярослав Всеволодович, Даниил Галицкий, Михаил Черниговский, Александр Невский и т.д.), сделать выводы о ценностных ориентациях этих государственных деятелей, как во внутренней, так и во внешней политике, а затем, о месте таковых ценностных ориентаций, как в русской политической культуре XIII в. в целом, так и в политической культуре отдельных русских княжеств;

– в-третьих, на основе материалов источников, исследовать, как варьировалась внутри- и внешнеполитическая культура в различных частях Руси (Владимиро-Суздальское княжество, Галицко-Волынское княжество и Новгородская боярская республика) и выяснить, какими факторами, в зависимости от региона, эта вариативность обуславливалась.

Источниковая база. По причине отсутствия специализированных исследований по русской средневековой политической культуре, а также в силу того, что проблема исследования практически не нашла отражения в исторической науке, основной опорой данной работы являются средневековые источники. В частности, русские летописи и сказания, европейские хроники, анналы и саги, в которых содержится информация, так или иначе связанная с русскими княжествами, а также труды европейских средневековых путешественников. Из исторических документов наибольшее применение для данного исследования находят некоторые буллы Римских пап I половины XIII в., адресованные государственным образованиям Прибалтики или непосредственно русским князьям.

Методологическая основа настоящей работы базируется на основополагающих принципах исторического исследования, таких как историзм и объективность. Методами данного исследования послужили, во-первых, общенаучные (анализ, синтез, аналогия и др.), во-вторых, методы

исторической науки (описательный, сравнительно-исторический, ретроспективный и др.). Были также использованы методы некоторых других наук, в рамках междисциплинарного подхода: политологии, культурологии, социологии, этнопсихологии и религиоведения.

Научная новизна. В данном исследовании на основе обширного корпуса источников, впервые в историографии предпринята попытка комплексного изучения русской средневековой политической культуры отдельно взятого века, а также природы ценностных ориентаций в политике ряда российских государственных деятелей XIII в., в частности. Отдельно стоит отметить новый вклад в изучение истории русского менталитета, достигнутый через рассмотрение многогранного в плане ментальности тринадцатого века. Также данная работа содержит оригинальный подход к изучению истории отечественной геополитики через нестандартный анализ сути ряда средневековых союзов и противостояний.

Исследование корректирует некоторые традиционные для отечественной исторической науки положения, а также способствует разрешению некоторых спорных точек зрения, существующих в истории. Более того, результаты данной работы опровергают ряд устоявшихся стереотипов, касающихся истории Средневековой Руси и медиевистики в целом.

Научно-практическая значимость заключается в возможности использования материалов исследования, как в учебных пособиях, так и в преподавании курсов по профилям ряда гуманитарных наук (культурологии, политологии, этнопсихологии, литературы (средневековой), религиоведения) и по ряду сфер исторической науки: военной истории, истории этики, источниковедению, истории ментальности, истории дипломатии, медиевистике, исторической географии и др.

Наибольшее же применение материалы данной работы могут найти в преподавании специальных курсов по истории политической культуры, а также при создании соответствующих учебных пособий. Отдельно стоит

отметить возможность использования материалов исследования для углубления курса отечественной истории в сфере среднего образования.

Апробация исследования. Ряд положений и выводов данной работы были представлены на научно-практических конференциях: «Первые Рождественские чтения» (Пенза, 2013), «XV Лебедевские чтения» (Пенза, 2014), «Вторые Рождественские чтения» (Пенза, 2014), «IX Всероссийская научно-практическая конференция «Национальная безопасность и государственные интересы России»» (Пенза, 2016), «XVII Лебедевские чтения» (Пенза, 2016). Некоторые положения и результаты исследования изложены в двух статьях, содержащихся в следующих научных изданиях: Материалы Первых региональных образовательных Рождественских чтений, посвященных 700-летию памяти преподобного Сергия Радонежского. Пенза, 2014[1], Материалы Вторых региональных образовательных Рождественских чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Пенза, 2015[2].

Структура работы следующая: введение, три главы (первые две из которых включают по два параграфа каждая, третья глава на параграфы не делится), заключение, список использованных источников и литературы.

[1] Ильин К.А. Роль Русской православной церкви в борьбе с католической экспансией в XII – XIII вв. \\ Материалы Первых региональных образовательных Рождественских чтений, посвященных 700-летию памяти преподобного Сергия Радонежского. Пенза, 2014. С. 29 – 34.

[2] Ильин К.А. Отношение католиков к православию в эпоху Крестовых походов \\ Материалы Вторых региональных образовательных Рождественских чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Пенза, 2015. С. 112 – 117.

ГЛАВА 1. Особенности политического управления в русских землях в XIII в.

1.1 Мотивация политического поведения русских князей в I трети XIII в.

Для начала, имеет смысл привести одно из самых удачных определений понятия «политической культуры», из использующихся в отечественных гуманитарных науках. Итак, это «сфера культуры, вырабатывающая представления о цивилизационных формах политического процесса, оценки уровня его развития. Понятие политической культуры многозначно, оно включает политическую мысль, связи культуры и политической философии, оценку политических структур с точки зрения культуры, политического самосознания и политического поведения общества»[1].

Первое из упомянутых в летописях историческое событие, которое может свидетельствовать о политической культуре XIII в. в контексте отношений между княжествами, – это взятие Киева Рюриком Ростиславичем в 1203 г.

В древнейшей, из дошедших до нас летописей – Радзивиловской, говорится, что люди Рюрика, Ольговичи и половцы, в ходе вторжения разграбили Софийский собор и Десятинную церковь, а также монахов и священников – частью убили, частью пленили[2]. Какие конкретно члены коалиции Рюрика Ростиславича сделали это – летопись умалчивает.

С одной стороны, подозрение падает сразу на половцев, к тому же Новгородская I летопись старшего извода возлагает ответственность за

[1] Гуревич П.С. Политическая культура \\ Культурология. XX век. Энциклопедия в 2 т. СПб, 1998. Т. 1. А – Л. С. 124.
[2] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1989. Т. 38. Радзивиловская летопись. С. 154 – 155.

святотатство именно на них[1]. Князья могли дать добро на разграбление храмов половцам в качестве оплаты за помощь во взятии Киева.

Но мотив для грабежа мог быть и у русских князей. Во-первых, Рюрик, вновь ставший Киевским князем, таким образом мог отомстить киевлянам за измену (в 1201 г. они вынудили его отказаться от княжения). Во-вторых, это святотатство могло служить актом устрашения. Князь, таким образом продемонстрировал киевлянам, что он не остановится ни перед чем ради власти. В-третьих, Киев переживал упадок, превращаясь во второстепенное княжество, однако в народе была еще свежа память о былом центре русских земель, и обладание регалиями киевских храмов, известных по всей Руси, имело большое символическое значение. Поэтому другие князья – союзники Рюрика Ростиславича могли вполне приватизировать массу церковной утвари просто из соображений символизма, т.к. символистическое мышление было крайне характерно для средневекового человека.

В свою очередь, священники и монахи, наверняка, старались защитить храмы и монастыри от разграбления, и, по сему, некоторые из них были убиты. Но, например, иностранные купцы, бывшие в тот момент в городе, были отпущены за выкуп в количестве половины их товаров[2]. Это свидетельствует о том, что Рюрик, несмотря на кажущуюся «горячность», был человеком расчетливым и хотел сохранить международные торговые связи Киева. Иначе ему было бы проще убить иностранных торговцев и забрать у них все. Такая рациональность князя ставит под сомнение версию, что он мог из мести подвергнуть храмы разграблению, т.к. месть сама по себе иррациональна.

Повествование Радзивиловской летописи заканчивается на 1206 г. В другой, одной из древнейших летописей – Лаврентьевской, первое событие, свидетельствующее о политической культуре помещено под 1205 г. (не

[1] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 45.
[2] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 45.

считая уже описанного взятия Киева Рюриком Ростиславичем). Это упоминание об одном из самых распространенных у князей способе устранения конкурентов в борьбе за власть – принудительное пострижение в монашество. Роман Галицкий именно так и поступил с Рюриком Ростиславичем, когда князья не смогли договориться о разделе власти после совместного похода на половцев в 1203 г.[1] К слову, Рюрик был связан с половецкой знатью династическим браком (был женат на дочери хана Белука).

Далее в летописи содержится упоминание еще об одном событии – рязанском пожаре 1208 г., которое подтверждает, насколько для княжеской власти были важны действия символического характера. Всеволод Большое Гнездо посадил своего сына Ярослава наместником в Рязань, но рязанцы, выказав непокорство, вынудили Всеволода лично выступить с войском из Владимира в Рязань. Судя по всему, Всеволоду удалось подавить восстание рязанцев, поскольку он приказал им покинуть город, после чего Рязань запылала пожаром[2].

То, что Всеволод Большое Гнездо сжег Рязань, показывает, что князья эпохи феодальной раздробленности понимали, насколько недолговечна и непрочна их власть в отдельном княжестве при такой конкуренции, и потому не сильно заботились об авторитете «милостивого государя» среди жителей того или иного княжества. Русский князь эпохи зрелого Средневековья старался скорее закрепить за собой репутацию правителя импульсивного, беспринципного и скорого на расправу (даже если за этим всем стоял холодный расчет, как в случае с Рюриком Ростиславичем), дабы с ним просто старались не связываться, на том и довольно.

Служители церкви часто выступали посредниками в межкняжеских конфликтах. Во-первых, это обуславливалось всеобщим авторитетом некоторых духовных лиц. Во-вторых, – набожностью некоторых князей.

[1] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 420.
[2] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 434.

В-третьих, служители церкви были наиболее образованной прослойкой населения и хорошо владели ораторскими способностями. Касательно XIII в., первое упоминание о таком посредничестве относится к 1210 г., когда Ольговичи и Всеволод Чермный просили мира у Всеволода Большое Гнездо, прислав для переговоров митрополита Киевского и всея Руси Матфея[1].

В Лаврентьевской летописи содержится упоминание о печально известном съезде в Исадах 1217 г., на котором решался вопрос о рязанском престоле[2]. Как известно, Константин и Глеб Владимировичи приказали убить на съезде шесть других приехавших князей. Летописец намекает, что убийство было задумано Владимировичами заранее. Это вполне возможно, к тому же существует расхожее мнение, что князья часто прибегали к заманиванию соперников для последующего убийства. С другой стороны, Константин и Глеб могли договориться об убийстве соперников и в ходе самих переговоров в Исадах без предварительного согласования. Владимировичи могли пойти на убийство, к примеру, если они остались в чем-то обделенными или переговоры явно зашли в тупик.

Таким образом, можно поставить под сомнение вообще то расхожее мнение о вероломстве князей, которые заманивали друг друга с целью физической ликвидации. Ведь решение об убийстве оппонента могло прийти спонтанно. Так что, допуская продуманное заранее коварство (которое, безусловно, имело место), нельзя забывать и о воле случая.

Итак, Лаврентьевская летопись дает нам немного материала по русской внутриполитической культуре Владимиро-Суздальской земли, но только по I четверти XIII в. Начиная с II четверти XIII в., фактический материал подается более сухо, за исключением каких-то знаменательных событий. Однако и в описании подобных событий летописец разбавляет фактический материал скорее эпичными приемами, нежели интересными подробностями, как ранее. Таким образом, летопись местами начинает более походить на произведение

[1] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 435.
[2] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 440.

средневекового русского эпоса, либо просто на сухие европейские анналы.

Один из неотъемлемых приемов любой междоусобицы – это подстрекательство и натравливание. Показателен случай, описанный в Ипатьевской летописи под 1225 г., произошедший в Галицко-Волынском княжестве. Летописец утверждает, что Александр Всеволодович, князь Белзский, натравливал князей – Мстислава Удатного и Даниила Галицкого друг на друга. Позже подстрекательство Александра Белзского раскрылось и Мстислав с Даниилом прекратили вражду[1].

Действие наговорами – весьма рискованный прием, т.к. легко раскрываем. Так что Александр Белзский мог прибегнуть к наговорам либо от отчаяния, либо между тестем и зятем (Мстиславом и Даниилом) уже тлела неприязнь. О мотивах действий Александра также можно только догадываться. Возможно, поссорив двух очень влиятельных князей, он рассчитывал вернуть себе утраченное Волынское княжение. Или же, Александру было просто выгодно ослабление войной Даниила Галицкого и Мстислава Удатного.

Уже в следующем, 1226 году, Мстислав Мстиславич Удатный, по сообщению летописи, опять становится жертвой наговора. На этот раз клеветником был некий галицкий боярин Жирослав. Жирослав убеждает остальных бояр, что Мстислав хочет расправиться с ними с помощью половцев, после чего галицкие бояре вынуждены были бежать в Перемышль. Мстислав прибегает к помощи, как это водится, служителя церкви – некоего духовника Тимофея, который раскрывает клевету Жирослава боярам и убеждает их вернуться в Галич[2]. Дабы не сделать ложных выводов, читаем летопись дальше, и видим, что Мстислав Удатный в том же году, опять оказывается завязанным в подобной интриге. На этот раз подстрекали уже самого князя. Летописец дает понять, что галицкие бояре подговорили

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 746.
[2] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 747.

Мстислава выдать свою младшую дочь за венгерского принца Андраша[1]. Получается, князь стал жертвой интриг уже в третий раз.

Но и на этом еще не все. Опять в 1226 г., Мстислав Удатный становится жертвой интриги в четвертый раз. Бояре, на это раз убеждают князя отдать Галицкий престол своему новоявленному зятю – Андрашу, и ни в коем случае не отдавать Галич другому зятю – Даниилу Галицкому[2]. Напоследок стоит добавить, что боярин Жирослав, судя по летописи, интриговал против Мстислава Удатного еще в 1219 г.[3]

После прочтения о жизни Мстислава Мстиславича Удатного в Ипатьевской летописи, складывается странное впечатление: неужели одного из самых могущественных князей и талантливых полководцев так легко было оклеветать или вообще подговорить на любой поступок? Это маловероятно. Мстислав был одним величайших князей в истории Руси, но даже он мог совершать политические промахи, и, возможно, летописец объяснял неудачи князя интригами бояр или других князей. Также возможно, что Мстислав Удатный в условиях традиционной для Галицко-Волынской Руси борьбы князей и бояр был вынужден примиряться с некоторыми боярскими интригами в то время, как боярская власть становилась сильнее княжеской.

То, что Мстислав готовил расправу над галицким боярством в 1226 г. – летописец считает инсинуациями Жирослава. Хотя, в условиях опять же той постоянной борьбы Мстислав Мстиславич вполне мог решиться на такое, но затем по неизвестным причинам передумал.

Вообще, летописец пишет с симпатией о князе Мстиславе и со слишком явной неприязнью о боярине Жирославе, что уже наталкивает на определенные выводы. Вот один из летописных отрывков, посвященных боярину-клеветнику: «Князю же обличившю Жирослава изгна и от себе,

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 748.
[2] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 750.
[3] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 737 – 738.

якоже изгна Богъ Каина от лица Своего, рекы: «Проклять ты! Буди стоня и трясыся на земли, якоже раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего». Якоже и Жирославъ разъдвиже уста своя на господина своего, да не будеть ему пристанъка во всихъ земляхъ в Рускихъ и во Угорьскыхъ, и ни в ких же странахъ, да ходить шатаяся во странахъ, желание брашна да будеть ему, вина же и олу, по скуду да будеть ему, и да будеть дворъ его пустъ и в селѣ его не будеть живущаго»[1].

Факт, что князь становился жертвой интриг пять раз на протяжении непродолжительного времени, то как подстрекаемый, то в качестве оклеветанного, наталкивает на вывод, что летописец несколько исказил факты. Это преувеличение служит примером тому, как тезис о повсеместном коварстве, характерном для русской политической культуры, приобретает гипертрофированные формы.

В 1228 г. митрополит Кирилл безуспешно пытался призвать князей Галицко-Волынской Руси прекратить междоусобицу, принявшую особенно ожесточенный характер в 1227 г.[2] Это был тот случай, когда даже человек с высшим духовным саном не имел никаких рычагов воздействия на неиствовавших князей. В этом состоит одно из ключевых различий русской средневековой политической культуры с европейской. Духовная власть на Руси имела силу до тех пор, пока позволяла власть светская. В Европе же – духовная власть устанавливала рамки для светской.

Ипатьевская летопись дает некоторый материал по политической культуре Галицко-Волынской Руси, но более однобокий, если сравнивать с материалом Лаврентьевской летописи по Владимиро-Суздальской Руси. Однако, Ипатьевская летопись кое-что привносит в общую картину русской политической культуры – это описание отношений князей с боярством. В

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 747 – 748.
[2] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 753.

Лаврентьеской летописи представлены, в основном, межкняжеские отношения.

Совпадение обеих летописей в том, что материал по внутриполитической культуре из них можно почерпнуть лишь приблизительно, по I четверти XIII в. В Ипатьевской летописи – с II четверти XIII в. преобладает хроника внешней политики.

Теперь рассмотрим политическую культуру последнего (третьего) центра русских земель – Новгорода. Межкняжеская усобица касалась и Новгорода, только с той разницей, что претенденты на княжение, должны были куда более считаться с жителями города, нежели в других княжествах. Отсюда большая обходительность князей, т.к. они могли только предлагать свою кандидатуру, а окончательное решение было за вечем.

В Новгородской I летописи описан интересный и беспрецедентный эпизод борьбы князей за власть, но с «новгородской» спецификой. Мстислав Удатный, чтобы получить новгородский стол, арестовал в Торжке наместников (включая посадника) действующего новгородского князя Святослава Всеволодовича. Затем предложил новгородцам себя в качестве князя, на что они согласились, сняв полномочия со Святослава[1].

Скорее всего, в Новгороде уже зрело недовольство Святославом Всеволодовичем и Мстислав знал об этом. Но все равно не понятно, каким образом эта акция в Торжке окончательно подорвала позиции действующего князя и склонила новгородцев к кандидатуре Мстислава Удатного. Возможно, оставшись без торжковских наместников, Святослав лишился значимой опоры, а у Мстислава уже была протекция в Новгороде. «Новгородская» специфика здесь заключается в том, что эта борьба за власть происходила с минимумом насилия, характерного для княжеской политической культуры в других городах Руси.

[1] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51.

Несмотря на вековые демократические традиции Новгорода, некоторым князьям все же удавалось значительно укрепить личную власть на Новгородском столе. Требовалось посеять вражду между боярами и опереться на какую-либо боярскую группировку, которая была бы вынуждена поддержать авторитаризм князя. Это была старая «суздальская» политика[1], ярким представителем которой был Ярослав Всеволодович во время своего первого новгородского княжения 1215 – 1216 гг.

А.В. Гудзь-Марков так интерпретирует события, описанные в Новгородской I летописи под 1215 г.: «Ужиться Ярослав Всеволодович с новгородцами не сумел, чем его появление на Волхове напомнило злосчастное правление Ольговичей в Галиче. Князь, недовольный своеволием северорусских бояр, принялся их хватать, надеясь проучить и что-то изменить в Новгороде. Взяли «Якуна Зуболомица». В Торжок послали за тамошним посадником Фомой Доброщиницей. Заковав, его отправили в «Тьхверь» (Тверь), бывший малозаметным городком при устье реки Тверцы. «Федор Лазутиниць и Ивор Новотържцъ» оклеветали перед князем «Якуня Тысяцкого Намнежиця».

Новая княжеская метла мела в Новгороде вовсю, и нашлись такие, кому это пришлось по вкусу. Ярослав Всеволодович знал, на каких струнах горожан можно сыграть, и, собрав вече, изобличил на нем Якуна тысяцкого. Скоро двор Якуна оказался разграблен, а жена тысяцкого была схвачена.

Наутро Якун с посадником пришел к князю, но добился лишь того, что схватили его сына Христофора.

Казалось, политика Ярослава Всеволодовича, организованная по принципу «разделяй и властвуй», приносила желанные плоды, ослабляя норовистое северорусское боярство руками самих новгородцев и как бы выгораживая князя, но тут народная стихия вышла из берегов.

Новгородцы, почувствовав вкус к безнаказанному грабежу, принялись

[1] Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 126.

громить уже по своему усмотрению. Горожане убили «Пруси-Овстрата и сынъ его Лугошу и ввьргоша и въ греблю мьртвъ».

Ярослав Всеволодович, поняв, что выпущенное им же наружу пламя неуправляемо, поспешил покинуть Новгород и поехал к Новому Торжку, взяв с собой «Твьрдислава Михалковиця, Микифора Полюда, Сбыслава Смена, Ольску» и много иных бояр»[1].

Действия Ярослава Всеволодовича можно считать эталоном княжеской политической культуры, т.е., он обладал самым эффективным мышлением для средневекового феодала. Рассмотрим, что именно отличало мышление Ярослава на примере его годовалого княжения в Новгороде. Во-первых, он оперативно реагировал на быстро меняющуюся политическую обстановку, не зацикливаясь на изначальных планах. Во-вторых, применял комплексные меры для устранения политических оппонентов, создавая угрозу семье, имуществу и репутации противника. В-третьих, Ярослав умел оставаться непобежденным. Для него – «сдать» большую часть позиций – еще не значило ни чего. Даже когда Ярослав вынужден был покинуть Новгород, он тут же изыскал способ контроля над городом со стороны. Дело в том, что тогда в Северо-Западной Руси местами был неурожай, Ярослав перекрыл продовольственный транзит из Торжка в Новгород, где голод стал неумолимо прогрессировать и расти цены на хлеб[2]. Новгородцы дважды попытались договориться с неотступным князем, но оба раза их посольства были арестованы. Ярослав развернул посольство даже от своего тестя Мстислава Удатного. Собственно, все это закончилось одним из самых кровопролитных междоусобных сражений – Липицкой битвой 1216 г., где Ярослав и Мстислав оказались по разные стороны.

Может показаться странным, что князь, который удержался у власти около года, называется эталоном феодала. Однако Ярослав становился новгородским князем еще трижды после 1215 г. К тому же, вопрос не в том,

[1] Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V – XIII вв. М., 2005. С. 376.
[2] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 54.

что время первого новгородского княжения Ярослава было очень непродолжительным, а в том, что он за этот малый промежуток времени сделал, а именно значительно подорвал хваленые «республиканские» устои Новгорода, показав их истинную природу.

То, что в летописях, начиная с 1230-х гг., резко сокращается или выхолащивается описание внутренней политики (сюда отнесем и отношения между русскими княжествами), может обуславливаться несколькими причинами. Во-первых, приход в русские земли монголов, нарастающая агрессия со стороны духовно-рыцарских орденов и активные отношения с государствами Восточной Европы теперь более приковывали внимание хронистов, нежели прочие события. Во-вторых, все эти внешнеполитические потрясения действительно несколько потеснили проблемы внутренней политики. Теперь в русских княжествах активнее стала складываться внешнеполитическая культура, опережая внутриполитическую.

1.2 Политическая культура русских княжеств во II трети XIII – конце XIII вв.

Как уже говорилось, с II четверти XIII в. на первый план выходит внешнеполитическая культура русских княжеств и сведения по внутренней политике в летописях становятся еще более лаконичными. События, как правило, описываются очень кратко или же сообщается лишь сам факт события без каких либо подробностей.

Принимая во внимание эти факты, сделать точные выводы о развитии внутриполитической культуры, начиная с II четверти XIII в., весьма проблематично. Но можно логически достроить эволюцию русской политической культуры с учетом влияния внешних факторов.

Скорее всего, русское политическое искусство приняло более концентрированные формы. Это обуславливалось тем, что к феодальным

распрям добавилась борьба с внешними врагами, которые, к тому же, еще и вмешивались в эти самые распри.

Итак, представим себе русского удельного князя середины XIII в. Если его предшественники начала века могли упражняться в изощренности политических маневров, дабы получить политическую выгоду с минимальными усилиями, то теперь на это просто могло не хватить времени, ведь внешние враги могли в любой момент нарушить планы. Поэтому теперь государственные деятели должны были действовать наверняка, проверенными и более прямолинейными методами, все менее прибегая к политическим экспериментам. К тому же, последствия рискованных маневров в случае неудачи могли быть куда фатальнее, чем до активизации соседних государств. Но даже в такое тяжелое время найдется место государственному гению. Были политические фигуры, которые могли противостоять одновременно внутренними и внешним агрессорам, демонстрируя воплощение всей силы русского политического искусства в самих себе.

Как правило, русские источники позволяют нам изучать политическую культуру лишь на примерах отдельных исторических личностей, а начиная с II четверти XIII в. такой «биографический» метод изложения истории лишь усиливается. Но в виду уже упомянутой лаконичности изложения, летописи позволяют нам сделать более или менее полноценные выводы о политической культуре лишь немногих. Исходя из этого, имеет смысл рассмотреть самых ярких политиков XIII в., по праву считаемых, и одними из самых выдающихся государственных умов в русской истории вообще.

Для начала, хотелось бы завершить начатое в I главе рассмотрение Ярослава Всеволодовича, как одного из виднейших политических деятелей русского Средневековья. И если о манерах ведения политики других выдающихся личностей XIII в., таких как Даниил Галицкий и Александр Невский известно достаточно, то Ярослав до сих пор остается «в тени».

Сразу стоит отметить, что не имеет смысла оценивать политическую культуру Ярослава с моральной точки зрения, т.к., как уже было сказано, он не был разборчив в методах для достижения политических целей. Но эти методы приносили свои плоды.

Итак, главная черта Ярослава, которая бросается в глаза при анализе скудных летописных сведений о нем – это прагматизм. Он понимал, что смысл жизни князя – это власть, не важно, где именно и какой ценой, важен лишь объем этой власти.

В Лаврентьевской летописи содержится описание битвы на реке Сить 1238 г. – одного из главных сражений во время монгольского похода в Северо-Восточную Русь (1237 – 1238 гг.). Там говорится, что Юрий Всеволодович, будучи Великим князем Владимирским, перед битвой отправил гонцов за помощью к братьям Ярославу и Святославу[1]. Но далее Ярослав, княживший тогда в Киеве, в числе участников битвы не упоминается. Отказ Ярослава Всеволодовича принять участие в битве на Сити, часто становится одной из статей обвинения князя у историков.

Напомним, что с моральной точки зрения оценивать отношения между Рюриковичами не стоит. Тем более между родными братьями, которых всегда разделял престол какого-нибудь княжества. Однако за отказом Ярослава видится расчет: он был следующим по старшинству после Юрия, который, как известно, в битве на Сити и пал. Соответственно, перед младшим братом открывалась перспектива стать Великим князем Владимирским. Более того, почему не допустить мысль, что у Ярослава была тайная договоренность с самим Батыем? Монголам не должно было составить труда выйти на одного из самых влиятельных князей того времени и предложить ему Владимирский стол в обмен на постоянную его лояльность.

Сесть на Великое княжение, добытое чужими руками – очень заманчивая перспектива, и, возможно, единственная (у Юрия Всеволодовича

[1] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 461.

было три сына, которые вряд ли бы так просто уступили своему дяде Владимирский престол). Вот тут и всплывает еще одно странное обстоятельство, произошедшее еще до битвы на Сити – загадочная и практически одновременная смерть всех трех Юрьевичей в 1238 г. Остановимся на этом подробнее.

Начнем с гибели старшего сына Юрия – Всеволода. В Ипатьевской летописи, где также содержится описание похода в Северо-Восточную Русь, говорится о трагической кончине князя Всеволода Юрьевича. Под конец обороны Владимира, чувствуя неравность сил, Всеволод решил попробовать договориться с захватчиками, но был ими убит[1]. Мотив убийства князя не совсем понятен. Возможно, это была месть монголов, т.к. Всеволод Юрьевич сражался с ними в битве под Коломной в 1237 г[2]. Но эта версия слабо выдерживает критику. Почему монголам было бы не пойти на мировую, ведь они все равно могли продиктовать свои условия мира? Складывается впечатление, как будто Батый заранее задумал убийство старшего Юрьевича.

Меньше всего подробностей о смерти среднего сына Юрия – Мстислава. Известно лишь, что он был убит вне стен осажденного Владимира[3].

Младший сын Юрия – Владимир, был Московским князем и попал в плен к монголам после взятия Москвы в 1238 г. (по Лаврентьевской летописи в 1237 г.)[4]. Далее в летописи сообщается, что перед началом осады Владимира, Владимир Юрьевич был еще живым предъявлен осажденным: «Володимерцем не отворящимся, приѣхаша татари к Золотым воротом, водя с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. И начаша просити татарове князя великого Юрья, ест ли в градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣлѣ на Золотая ворота, и по сем рекоша татарове володимерцем: «Не стрѣляйте!»

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 780.
[2] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 460.
[3] Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V – XIII вв. М., 2005. С. 459.
[4] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 461.

Они же умолчаша. И приѣхаша близь к воротом, и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бѣ бо унылъ лицем. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых воротѣх и позната брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся, зряще Володимера»[1].

Так зачем монголы держали в живых Владимира Юрьевича и потом предъявили его владимирцам? Можно предположить, что они хотели договориться либо с князем Юрием, т.к. сначала осведомились у горожан в городе ли он, либо с его наместниками. Получается, что Владимир Юрьевич использовался в качестве заложника. Но эта версия, опять-таки слабо выдерживает критику, ибо почему тогда монголы потом отказались от мирных переговоров со страшим братом Владимира – Всеволодом?

Было бы также странно, если бы монголы рассчитывали, что целый город просто сдастся на милость победителя в обмен на жизнь сына Великого князя Владимирского. Сомнительно даже, что и сам сын – пленный Владимир Юрьевич, этого хотел. Вряд ли бы монголы вообще прибегли к такому шантажу, даже пробы ради.

Остается открытым вопрос, зачем тогда монголы спрашивали: «Знаете ли княжича вашего Володимера?». Создается впечатление, что осаждавшие, как будто, точно устанавливали личность пленника. Значит, Батыю нужно было точно знать, что именно этот человек является князем Владимиром Юрьевичем. Здесь и ответ на вопрос, почему монголы некоторое время держали Владимира в живых: видимо, были какие-то сомнения насчет личности пленного.

Принимая во внимание, что Владимир впоследствии был убит[2], как и оба его брата, но только после того, как владимирцы признали в нем сына Юрия Всеволодовича, возникают подозрения, что Батый изначально имел цель ликвидировать всех троих Юрьевичей. Это значит, что Бату хан вообще

[1] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 461.
[2] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 21. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. С. 264.

не рассматривал возможность компромисса с Великим князем Юрием Всеволодовичем, т.к. убив его сыновей, окончательно развязал Юрию руки.

Окончательно дополняет картину целенаправленного и методичного истребления вероятной династии Великих князей Владимирских, обнаруженное после битвы на реке Сить обезглавленное тело самого Юрия Всеволодовича[1]. Конечно, можно предположить что Юрий таким образом был убит в битве. Но это очень маловероятно, т.к. обезглавить противника в бою крайне сложно. С большей вероятностью можно сказать следующее: скорее всего, Юрий был ранен и обессилил прямо на поле битвы, монголы обнаруживают раненного князя и целенаправленно с его умерщвляют. Понять, что раненный был именно князем, можно было по латам.

После битвы на реке Сить, как известно, монголы двинулись в Северо-Западную Русь. Но по сообщению Новгородской I летописи, захватчики развернулись, не достигнув Новгорода, у некоего исторического пункт Игнач Креста: «Тогда же ганяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегѣрьскымъ путем оли и до Игнача креста, а все люди сѣкуще акы траву, за 100 верстъ до Новагорода»[2]. В историографии существует масса гипотез, почему монгольское войско не пошло на Новгород. Самые распространенные и логичные мнения, что поход прекратился из-за приближающейся весенней распутицы и из-за ослабления ханского войска в постоянных столкновениях (в частности, из-за тяжелейшей для монголов осады Козельска). По мнению В.В. Каргалова, битва на реке Сить тоже является одним из ключевых факторов, значительно ослабивших войско хана и «спасших» Новгород[3].

Безусловно, монгольская рать изрядно поредела в ходе похода на Русь 1237 – 1238 гг. Но не стоит забывать, что Новгородским князем был на тот момент Александр Невский – сын Ярослава, а это значит, что монголы

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1885. Т. 10. Никоновская летопись. С. 111.
[2] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 76.
[3] Каргалов В.В. Монгольское нашествие на Русь. XIII век. М., 1966. С. 59.

навряд ли вообще планировали воевать с городом, где княжил сын и одновременно ставленник ханского союзника.

Ввиду всех описанных выше фактов, сговор Ярослава Всеволодовича и Батыя представляется еще более вероятным. Видимо, ликвидация не только Великого князя Юрия, но и его наследников было одним из условий союза киевского князя с монгольским ханом. Этим и объясняется загадочная гибель Юрьевичей. Теперь путь к Великому княжению во Владимире для Ярослава был открыт.

Не стоит также забывать, что летописи претерпевали коррекции по желанию действующего правителя, и Лаврентьевская, в частности, не стала исключением. М.Д. Приселков, в своей «Истории русского летописания XI – XV вв.», приводит доказательства, что в Лаврентьевской летописи содержатся фрагменты, написанные в угоду Ярославу Всеволодовичу: «Свод 1239 г. был выполнен в Ростове и ростовцем, но для великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. В этом легко убедиться из повествования под 1238 и 1239 гг., которое не могло составлять окончания ни ростовского, ни владимирского летописания, как источников свода 1239 г. Статья 1238 г. довольно неожиданно и в напыщенном тоне сообщает о вступлении Ярослава на стол города Владимира как главное событие этого года; а в статье 1239 г., после описания погребения Юрия во Владимире по приказанию Ярослава и после некролога Юрия мы читаем тот подсчет уцелевших от татар князей, во главе с «благочестивым и правоверным» Ярославом и его семьей, о котором мы уже говорили выше. Сверх этого, сводчик 1239 г. (а не источники его работы) старательно пополнил текст своей работы указаниями на деятельность Ярослава как переяславского князя; так, под 1219 г. сообщено о рождении у него сына Федора (без точной даты, по припоминанию); под 1225 г. – об его походе на Литву; под 1226 г. – о его походе на Емь, «где же ни един от князь рускых не взможе бывати, и всю землю их плени»; под 1227 г. – о крещении им «множества корел, мало не все люди». Придворный тон этих описаний перекликается с тем

придворно-льстивым рассказом о вступлении Ярослава на Владимирский стол в 1238 г., о котором мы только что говорили»[1].

Кто знает, какие еще сведения из Лаврентьевской летописи были скорректированы после вокняжения Ярослава во Владимире? Тем не менее, даже дошедший до нас материал, посвященный монгольскому нашествию в Северо-Восточную Русь, позволяет предположить, что союз Ярослава Всеволодовича и хана Батыя появился несколько ранее, чем принято считать.

Сам факт, что к одному из татаро-монгольских вторжений в русские земли был причастен русский князь, несколько подрывает всю концепцию об «Иге». Ряд же подобных фактов, могут вообще окончательно утвердить теорию о русско-монгольском союзе. Таким образом, уже ставшая спорной концепция о татаро-монгольском иге может окончательно уйти в историографическое прошлое.

Теперь стоит коротко отметить внутриполитическую культуру главного наследника Ярослава Всеволодовича – Александра Невского, т.к. в целом, Александр был продолжателем политики своего отца. Александру, как и Ярославу, было присуще невероятно тонкое чувство политической ситуации, в совокупности с совершенным владением воинским искусством.

Александр Ярославич, как и его отец, неоднократно становился Новгородским князем, но особенно интересны конец его второго княжения в 1240 г. и начало третьего в 1241 г. Новгородская I летопись старшего извода не сообщает подробностей, как именно Александр покинул княжение после победы на Неве, сообщая лишь факт его ухода в Переяславль-Залесский[2]. Видимо, князь не сильно пытался удержаться на Новгородском столе, иначе его борьба за власть нашла бы отражение в летописи. Менее, чем через год, Александр вновь становится Новгородским князем, т.к. новгородцы поняли, что угроза с Запада не иссякла.

---

[1] Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб, 1996. С. 144.

[2] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 78.

Наверняка, Александр знал, что европейцы только усилят натиск на русские земли, т.к. вся I треть XIII в. прошла под знаком неформального Крестового похода на северо-восток от Западной Европы. Неформального потому, что официальных папских булл о Крестовом походе на Русь не обнаружено[1], но фактически натиск Ватикана на русские территории был не менее ожесточенным, чем на Ближний Восток. Это и объясняет, почему старший Ярославич так легко и покинул Новгород после Невской битвы, поскольку знал, что новгородцы вновь попросят его помощи в борьбе с перманентной угрозой исходящей от духовно-рыцарских орденов. Этот исход с княжения с последующим восхождением – пример, какой тонкой была политическая культура Александра Ярославича.

Хотя Александр прокняжил долгое время в Новгороде, в его политической культуре прослеживалась «суздальская» традиция. Но стоит сказать, что в его исполнении эта «суздальская» политика выглядела максимально эффективной, даже более, чем у его отца. В остальном, как уже было сказано, политическая манера Александра Невского была очень похожа на манеру Ярослава.

Следующий князь, внутриполитическую культуру которого стоит отметить, это Даниил Галицкий. Он, в свою очередь, был ярким представителем, «галицкой» политической традиции. Но, как и в случае с Александром Невским, Даниил сделал политику Галицко-Волынской Руси наиболее эффективной. В манере правления Даниила прослеживается некоторая преемственность с манерой его отца – Романа Мстиславича Великого.

Такая «наследственная» культура власти позволяет сделать вывод, что XIII в. был отмечен не только политическая культурой отдельно взятых правителей и отдельно взятых княжеств, но и отдельно взятых княжеских кланов. Представители того или иного клана придерживались политической

[1] Бредис М.А., Тянина Е.А. Орден Меченосцев против Руси. Первый германский поход на Восток. М., 2013. С. 321.

линии, присущей роду в целом, вне зависимости от того, на престоле какого княжества они оказывались. Конечно, коррекция клановой политики могла происходить под влиянием политической культуры того княжества, правителем которого становился представитель клана, но общая для рода манера правления все равно сохранялась.

Стоит сказать, что следует понимать под «галицкой» политической традицией. Эта традиция характеризовалась, прежде всего, активным использованием сил соседних государств для решения внутриполитических проблем Галицко-Волынского княжества. Даниил Романович и его отец весьма ловко использовали силы почти всей Восточной Европы, дабы добиться желаемого порядка в Юго-Западной Руси. Вообще, политическая культура Романа Великого заслуживает отдельного внимания, но она лежит в плоскости еще XII в.

Минус такой политики, которую проводил Даниил Галицкий вслед за своим отцом Романом Мстиславичем, в том, что вовлекая иностранцев во внутренние дела своего княжества, он сам тоже был вынужден периодически предоставлять свои силы, для решения внутренних проблем государств Восточной Европы. В частности, А.В. Майоров считает, что отец Даниила погиб в Польше в 1205 г. во время своего движения в Саксонию, где собирался оказать помощь свояку Филиппу Швабскому занять престол Священной Римской Империи[1].

До нас дошло больше сведений о внешнеполитической культуре Даниила Галицкого. Но даже по тем немногочисленным данным, где содержится описание культуры власти Даниила внутри своего княжества, можно констатировать, что его внутриполитическая культура была следствием внешнеполитической.

Сведения в русских источниках, начиная с II трети XIII в. позволяют нам, как уже было сказано, представить себе картину русской

[1] Майоров А.В. Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича \\ Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2008. № 4. С. 78 – 96.

внутриполитической культуры весьма фрагментарно. В связи у усилившейся раздробленностью, говорить о единой русской политической культуре не имеет смысла. Таким образом, большая часть XIII в. прошла под знаком политической культуры отдельно взятых исторических личностей. Эта культура, как правило, передавалась по наследству, формируя культуру власти целых княжеских кланов. Зачастую, именно такие княжеские роды задавали толк политической культуре всего княжества, в котором роду удавалось закрепиться.

ГЛАВА 2. Политическая культура международных отношений в русских землях в XIII в.

2.1 Ценностные ориентации и стереотипы поведения русских князей в отношениях с европейскими государствами

В XIII в. русские земли оказались в кольце агрессоров. С юга и востока шла неизведанная доселе сила, цели экспансии которой остаются туманными и противоречивыми, даже для современной исторической науки. С запада шла куда более известная на Руси угроза, но она страшила своим неумолимо растущим напором. Но главное даже не это: агрессия католиков несла в себе абсолютное неприятие и, даже, презрение ко всему инородному и ко всему русскому в частности.

Поэтому можно только гадать, что бы собой представлял русский мир, и существовал бы он вообще, если бы агрессия Ватикана не была тогда отражена. Для примера, как католики относились к покоренным народам, можно привести фактическое исчезновение к XIV в. прусской народности. О том, как католики относились к покоренным православным, красноречиво говорят последствия IV Крестового похода.

Таким образом, в XIII в. русские земли оказались «в клещах». В этих условиях и началась активная фаза формирования русской внешнеполитической культуры, которая вынуждена была немедленно отвечать быстро чередующимся вызовам эпохи. Эти факторы не позволяли формироваться внешнеполитической культуре планомерно, отсюда ее противоречивость и неоднородность. Внешними факторами объясняется и сумбурность русской культуры власти XIII в. в целом.

Эта сумбурность передалась и на порядок изложения и на описание внешнеполитических событий в русских источниках. Но в комплексе европейских средневековых источников можно встретить описания русско-европейских отношений столь подробные, что можно делать некоторые

выводы о русской внешнеполитической культуре, опираясь только на Западные источники.

Однако, к некоторым сторонам европейских источников стоит относиться осторожно, т.к. хронисты, их писавшие, были представителями геополитического противника. Во-первых, внимательнее стоит анализировать мотивы, которые хронисты приписывали русским политическим деятелям. Во-вторых, стоит быть осторожнее с описаниями военных конфликтов, а особенно, к численному соотношению сил в таковых. Зачастую хронисты называют просто фантастическое число войск противника. К тому же, крестоносцы в хрониках – это всегда исполнители воли Всевышнего, а их противники – как минимум, люди заблудшие умом и душой.

Но все же достойного внимания фактического материала, отражающего русскую политическую культуру, в европейских источниках содержится достаточно. Главное – в определенных случаях «освобождать» такой материал от трактовок самих хронистов, дабы не сделать ложных выводов.

Изучать ценностные ориентации русских князей стоит в сравнении с ценностями их геополитических противников. Так выстраивается наиболее полная картина. Во-первых, сразу видно, в чем заимствование культуры противника, а где достижения именно русской культуры власти. Во-вторых, в сравнении понятно, какие проявления политической культуры являются ответами на внешнеполитические вызовы и представляют собой единичные случаи, а какие – являются устоявшимися и характерными для русской внешней политики.

Такое сравнение ценностей в политике нам позволяет сделать комплекс ливонских средневековых хроник, а именно Ливонская рифмованная хроника, Хроника Ливонии Генриха Латвийского и Ливонская хроника Германа Вартберга.

В Трудах комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, первый источник – рифмованная хроника, характеризуется так:

«Ливонская «Рифмованная хроника» была посвящена изложению исторических судеб ливонской ветви Тевтонского ордена. По своей направленности она является апологией ордена. […]. Было только выяснено, что анонимный автор прибыл в Ливонию в 1278 – 1279 гг. и состоял там на службе у ордена, причем не в качестве духовного лица, а, скорее всего, как герольд или военный слуга, что позволило ему объездить Ливонию и принять участие в некоторых походах. Композиционно у хроники отсутствует заключительная часть, рассказ обрывается на событиях рубежа 1280 – 1291 гг. Установлено, что хроника была составлена в последнее десятилетие XIII в.»[1].

Стоит отметить главный минус этого памятника – местами отсутствие четких смысловых граней между аллегорией и реальными событиями, что затрудняет работу с хроникой, как с источником.

В немецких средневековых источниках, где упоминается о действиях крестоносцев в Прибалтике, этноним «русские» может отражать не этническую, а конфессиональную принадлежность жителей Прибалтики. Ливонская рифмованная хроника в этом отношении не является исключением[2]. Это еще один фактор, несколько затрудняющий анализ этого источника.

В Новгородской I летописи старшего извода под 1219 г. упоминается поход Всеволода Мстиславича (сын Мстислава Старого) в Ливонию[3]. Этот же поход описан и в Ливонской рифмованной хронике под 1218 г. (эту дату следует считать верной[4]). Здесь мы находим пример упомянутых выше искажений хронистом мотивации русских. Автор пишет, что, «Русские считали для себя нежелательным то, что христианство начало в этой стране

[1] Бегунов Ю.К. и др. Письменные источники о Ледовом побоище \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. М., 1966. С. 199 – 200.
[2] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 197.
[3] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 59.
[4] Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 260.

распространяться. Этому хотели они помешать»[1], придавая действиям участников похода исключительно религиозный мотив. На самом же деле, Всеволод и прочие князья боролись не с религиозной составляющей католизации Прибалтики, а с экономической и политической.

Как уже было выяснено, в XIII в. князья часто прибегали к помощи иностранцев для решения внутренних проблем. Здесь можно выделить тех, кто пользовался помощью монголов и тех, кому помогали европейцы. В качестве примера последних, интересен некий князь, называемый в рифмованной хронике Герпольтом.

Как известно из Новгородской I летописи старшего извода и из Ливонской рифмованной хроники, во время похода Ливонского ордена 1240 – 1242 гг. на Русь, оккупантам был сдан Псков. В Новгородской летописи говорится, что боярин Твердило Иванкович пустил крестоносцев в город[2]. В свою очередь, автор рифмованной хроники утверждает, что некий князь Герпольт отдал Псков Ливонскому ордену[3].

Наиболее правдоподобной выглядит версия П.П. Гетце, которую поддержали И.Э. Клейненберг и И.П. Шаскольский, что Герпольт – это Ярослав Владимирович Псковский, единственный на тот момент пролантински настроенный князь, неоднократно принимавший сторону крестоносцев[4, 5]. В частности, Ярослав упоминается в Новгородской летописи в составе орденского войска во время взятия Изборска в 1240 г.[6].

И.Э. Клейненбергом и И.П. Шаскольским данная историческая фигура характеризуется следующим образом: «Ставку на Ярослава-Герпольта делал не только орден, но и римская курия, так как Ярослав был единственным

[1] Ливонская рифмованная хроника \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 196.
[2] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 77.
[3] Ливонская рифмованная хроника \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. М., 1966. С. 209.
[4] Goetze P. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. St.-Petersburg, 1854. S. 24 – 26.
[5] Бегунов Ю.К. и др. Письменные источники о Ледовом побоище \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. М., 1966. С. 220 – 222.
[6] Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1950. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 77.

русским князем, который был склонен перейти в католичество. Н.М. Карамзин предполагает, что известное письмо папы Григория IX, в котором тот старается утвердить какого-то русского князя в его желании присоединиться к католической церкви, было адресовано Ярославу. Б.Я. Рамм упоминает о письме папы Гонория III в Псков аналогичного содержания; он относит его к 1228 г. По-видимому, Ярослав незадолго до своей смерти (около 1245 г.) действительно стал католиком, так как существует документ 1299 г., где упоминается дарственный акт Ярослава, в котором он свою отчину, Псковскую землю, передает дерптскому епископству»[1].

Ливонская рифмованная хроника сообщает, что после взятия Пскова в 1240 г. оккупанты «там оставили двух братьев-рыцарей, которым поручили охранять землю, и небольшой отряд немцев»[2]. Ливонская хроника Германа Вартберга добавляет, что это было сделано «равно как и для увеличения числа обращенных»[3], т.е. для католизации Пскова. Это подтверждает, что у немцев и князя Ярослава-Герпольта были далеко идущие планы касательно «интеграции» Псковского княжества в Европу.

Ярая пролатинская политика Ярослава Псковского в Северо-Западной Руси проводилась как оппозиционная антилатинской «суздальской» политике в регионе[4]. Но такая прокатолическая ориентация была непопулярна среди основной массы жителей русского северо-запада, из чего следует, что ценностные ориентации Ярослава Владимировича основывались на откровенном коллаборационизме. Это представляет собой беспрецедентный и уникальный для Средневековой Руси случай. Обычно отношения русских князей с европейцами строились эпизодически: сотрудничали, когда это было выгодно, и воевали, когда интересы

[1] Бегунов Ю.К. и др. Письменные источники о Ледовом побоище \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. М., 1966. С. 222.
[2] Ливонская рифмованная хроника \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. М., 1966. С. 209.
[3] Ливонская хроника Германа Вартберга \\ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края в 4 т. Рига, 1879. Т. 2. С. 90.
[4] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 238.

сталкивались. В другой Ливонской хронике (Генриха Латвийского) есть эпизод, где сказано, что и Ярослав поначалу воевал с крестоносцами (осаждал замок Меченосцев Венден в 1218 г.)[1]. Но с конца 1220-х гг. он сохранял долговременную фанатичную приверженность латинянам, странную для русского князя. Более того, он занял заведомо приниженное положение, т.к., просто отдал Ливонскому ордену свое наследственное владение – Псков, который был городом далеко не последнего значения на Руси.

Но даже уникальный случай Ярослава Владимировича Псковского – тоже часть «клановой» традиции политической культуры. По Ливонской хронике Генриха Латвийского, еще отец Ярослава – Владимир Мстиславич, долгое время был союзником Рижского архиепископства и Ордена Меченосцев. Владимир, также княживший в Пскове, даже выдал дочь замуж за брата Рижского епископа. Но псковичи, посчитав, видимо, что союз с латинянами зашел слишком далеко, изгнали князя[2].

Генрих Латвийский подчеркивает, что причиной изгнания был исключительно династический брак (скорее всего, заключенный в 1210 г.[3]). Однако, это мог быть всего лишь повод или «последняя капля», поскольку неизвестно насколько был популярен этот псковско-рижский союз у самих псковичей.

Из Пскова Владимир бежал сначала в Полоцк, затем в Ригу. Некоторое время занимал чин фогта Идумеии и Леттии (на территории современной Латвии). Но за период своего чиновничества поссорился с духовной властью в регионе, в результате чего вернулся в русские земли 1214 – 1215 г.[4].

По мнению Д.Г. Хрусталева, Ярослав Псковский, как и его отец Владимир, тоже в итоге разочаровался с союзе с католиками и «примирился с

[1] Хроника Ливонии Генриха Латвийского \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 129.
[2] Хроника Ливонии Генриха Латвийского \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 120.
[3] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 165.
[4] Хроника Ливонии Генриха Латвийского \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 120 – 123.

Александром Ярославичем и обосновался где-то на Руси, возможно, в Торжке»[1].

Самое главное – не путать тесное союзничество с католиками (к примеру, как у Даниила Галицкого), с коллаборационизмом, как у Ярослава Псковского. Главное различие состоит в степени рациональности союза и в том, как стороны воспринимают друг друга. В итоге, политика Ярослава не дала желаемых результатов: европейцы не смогли закрепиться в Северо-Западной Руси, получается, жертвы князя были напрасны. Возможно, поздно поняв провальность своей «оппозиции», Ярослав и примирился с Александром Невским.

В свою очередь, выше названную «суздальскую политику» в Северо-Западной Руси проводил клан Ярослава Всеволодовича: его сын Александр Невский и внук Дмитрий Александрович.

Ярослав был наиболее ярким представителем той части русских князей, которые были настроены на союзничество с Ордой и борьбу с Германской Европой. Точнее, с германоязычными государствами и государственными образованиями, пытавшимися осуществлять экспансию на Русь, под которыми следует понимать немецкие духовно-рыцарские ордена, страны Скандинавии, епископства и архиепископства Прибалтики. Во многом Ярослава Всеволодовича можно считать даже «пионером» такой провосточной-антизападной политической стратегии.

Из сыновей Ярослава его идейным последователем следует считать Александра Невского. Остальные сыновья воплощали доктрину отца фрагментарно, потому назвать их последователями внешнеполитического курса Ярослава сложно. В свою очередь, из сыновей Александра, внешнеполитическая доктрина Ярослава наибольшее воплощение получила у Дмитрия.

[1] Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII – XIII вв. СПб, 2012. С. 288.

Внешнеполитическая культура этой династии Великих князей Владимирских была следствием двух политических задач, которые решались ими на протяжении трех поколений. Во-первых, при помощи монгольских ханов Ярослав и его потомки закрепляли личную власть в Северо-Восточной Руси. Во-вторых, они старались как можно более распространить эту власть в Северо-Западную Русь. В свою очередь, личное влияние на Северо-Западе давало две необходимые для внешнеполитической стратегии клана Ярослава вещи. Первая – возможность отразить германскую агрессию как можно западнее. Вторая – контроль над псковским и новгородским боярством, в котором всегда были коллаборационистские элементы. Традиционно сильное, и в то же время непредсказуемое боярство русского Северо-Запада, вполне могло настолько «примириться», скажем, с Ливонским орденом, что Новгород и Псков вообще можно было бы перестать считать русскими городами. К тому же, по словам И.П. Шаскольского «бросается в глаза, что и Александр Невский, и его отец Ярослав играли главную роль в проведении политики Новгородского государства в Финляндии, именно они отстаивали государственные интересы Новгорода в этой стране»[1].

Таким образом, главной ценностной ориентацией клана Ярослава Всеволодовича в отношениях с Европой было сохранение русской государственности, которая итак претерпела слишком много метаморфоз в результате усобиц и монгольского нашествия. Угроза же с Запада могла быть для нашей государственности фатальной. Можно спорить, что либо Ярослав, Александр и Дмитрий так искусно воплощали свою политику, что она приносила столько плодов, либо избранная ими доктрина просто отвечала коренным русским интересам и по сему, была столь успешна. В любом случае, факт, что германская экспансия на Русь провалилась, как и факт то, что во многом – это заслуга династии Ярослава Всеволодовича.

В Европе понимали, что, в частности, Александр Ярославич оказался

[1] Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII – XIII вв. Л., 1978. С. 217.

непосильным противником для крестоносцев. Поэтому Рим прибегал и к увещеваниям, пытаясь склонить князя к союзу. Для этого папа Иннокентий IV написал два послания к Александру, датируемые 23.I.1248 и 15.IX.1248 гг. Первое послание иллюстрирует скорее политическую культуру Иннокентия IV и, в общем, выглядит слабо убедительным[1]. Второе выглядит не убедительней, но там содержатся интересные сведения о том, что Александр разрешил построить в Пскове католическую церковь, более того, из текста послания понятно, что папа видит в этом чуть ли не начало католизации русских земель[2]. Точно не известно, попало ли к Александру Невскому это послание папы Римского[3]. Возможно, Иннокентий IV был так серьезно настроен, потому что архиепископ Прусский, передававший ответ князя на первое папское послание от 23.I.1248 г., попросту этот ответ исказил[4].

Латинские храмы иногда строились в Северо-Западной Руси для пребывающих европейских купцов[5], и навряд ли церковь в Пскове собирались заложить из каких-то других соображений. Факт, что Александр дал такое распоряжение, характеризует его как гибкого политика, несмотря на его, как кажется, бескомпромиссную позицию по отношению к Риму.

Существует еще одно подтверждение, что позиция Александра Невского по отношению к Западу могла быть и гибкой. В исландской саге Стурлы Тордарсона «О Хаконе Хаконарсоне» содержится упоминание о том, что в 1251 г. к норвежскому королю Хакону IV Старому прибыли послы новгородского князя[6]. Как нельзя лучше интерпретировав текст саги, И.П. Шаскольский выделил основную цель посольства: «В саамской тундре норвежские чиновники, собиравшие дань с саамов, постоянно вступали в

[1] Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 23.I.1248 г. \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 263 – 265.
[2] Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 15.IX.1248 г. \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 269 – 270.
[3] Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 272.
[4] Горский А.А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского \\ Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 70.
[5] Трусман Г.Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб, 1884. С. 178.
[6] Стурла Тордарсон «Сага о Хаконе Хаконарсоне» \\ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 531 – 532.

столкновения с карелами, данниками новгородского князя. Целью переговоров русских послов с норвежцами было прекратить столкновения и установить мир в тех областях, где эти столкновения происходили»[1].

В саге также сообщается, что Александр предлагал выдать замуж дочь Хакона IV Кристину за одного из своих сыновей[2]. Скорее всего, здесь подразумевался старший сын – Василий Александрович[3]. Возможно, князь был заинтересован в династическом союзе с норвежским конунгом, т.к. Норвегия находилась «в тылу» у враждебных немцев и шведов. Таким образом, со стратегической точки зрения это союзничество было выгодным.

Перечисленные выше факты показывают, что Александр Невский корректировал свой внешнеполитический курс, в зависимости от выгоды для Руси. Это лишний раз доказывает, что «антизападная» позиция Александра была следствием внешних факторов (Запад чаще проявлял агрессию, чем пытался договориться), а не «прихоти» князя, как ошибочно считают некоторые историки. Значит, утверждение о том, что главная ценностная ориентация внешнеполитического курса династии Ярослава Всеволодовича – это сохранение и «приумножение» русской государственности, можно считать окончательно верным.

Что бросается сразу в глаза при прочтении европейских хроник, посвященных событиям в средневековой Прибалтике, – это то, как авторы не скупятся на описание «русского вероломства».

Лидирует в этом отношении, пожалуй, Генрих Латвийский. Он характеризует русских князей и их дружинников, как людей исключительно коварных. Однако складывается впечатление, что так хронист пытается оправдать экспансию крестоносцев. И это не единственный прием, который автор хроники использует для подчеркивания «справедливости» войн пилигримов в Прибалтике.

---

[1] Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию \\ Вопросы истории. М., 1945. № 1. С. 113.

[2] Стурла Тордарсон «Сага о Хаконе Хаконарсоне» \\ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 532.

[3] Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 540.

В частности, в коварстве и, даже, в вероломстве хронист уличает князей Владимира Полоцкого, Вячко (Вячеслав, князь Кукенойса в 1203 – 1208 гг. и Юрьева в 1223 – 1224 гг.) и загадочного Всеволода Герсикского – князя, русским источникам неизвестного. Бывший союзник латинян, Владимир Мстиславич (подробно рассмотренный выше), тоже не избежал клейма хрониста.

Своего рода прологом к части об Эстонии, в Хронике Ливонии становится такая фраза: «После этого епископ со всеми пилигримами и своим войском отправился в Кукенойс [...]. Он построил там весьма крепкий замок, оставил в нем для охраны рыцарей и балистариев со своей дружиной и, затратив большие средства, велел самым тщательным образом беречься, чтобы не быть снова обманутыми какой-нибудь хитростью литовцев или лживым коварством русских»[1].

С одной стороны, насчет вероломства князей с Генрихом Латвийским сложно не согласится. Как мы уже установили, феодалы в период усобиц действительно были особенно не разборчивы в средствах. С другой стороны, его тезис о коварности русских видится слишком преувеличенным. Здесь проблема может быть в том, что хронист смотрел на русских князей через призму западного сознания. Таким образом, могла сказаться разность менталитетов: к реальному княжескому вероломству добавлялась еще и традиционная русская непредсказуемость, которая всегда раздражала более прямолинейных европейцев, т.к. против нее они чувствовали себя бессильными. Отсюда и такие гипертрофированные характеристики в «Ливонской хронике».

Как уже говорилось выше, в такой напряженной политической обстановке, которая сложилась в Прибалтике в I половине XIII в., враждующие стороны перенимали политические приемы друг друга. Уникальный случай, описанный в хронике, – это поход Мстислава Мстиславича Удатого с братом Владимиром Мстиславичем в Угаунию (юго-

[1] Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Под ред. Грекова Б.Д. и т.д. Л., 1938. С. 123.

восточная Эстония) в 1210 г. После взятия Мстиславичами замка Оденпе они обратили в православие некоторых тамошних эстов и обещали прислать священников[1]. Насаждение своей веры было не характерно для русских князей, просто ограничивавшихся сбором дани с прибалтийских народностей (это подтверждает даже сам Генрих Латвийский). А в данном случае князья воспользовались методом противника – крестоносцев, которые насаждали католицизм в регионе.

Генрих Латвийский даже уличает русских в том, что они покоряют земли язычников только ради экономической выгоды без насаждения своей религии, в отличие от латинян, которые преследуют лишь цель обращения прибалтийских народностей в христианство[2]. Фактически же получалось, что католики, помимо постоянного грабежа, еще и чинили идеологическое и духовное насилие над коренными жителями Прибалтики.

Тем не менее, Между Европой и Русью на Балтийских берегах шла война и в идеологическом поле. Католическая церковь все же находила противоборство в лице православных миссионеров. Разумеется, католические миссионеры действовали с несоизмеримо большим напором, чем православные. К тому же, за латинской церковью всегда стояли духовно-рыцарские ордена, в компетенции которых была и карательная функция за идеологически неповиновение.

Однако существует документ «Послание папы Гонория III судьям в Ливонии. 8.II.1222», где высказываются большие опасения на счет деятельности православного духовенства в Ливонии: «… стало нам известно, что некоторые рутены, поселившиеся в Ливонии, придерживаются греческого обряда, проклиная латинское крещение как нечестивое дело, не соблюдают праздники и святой пост, расторгают заключенные среди неофитов браки. […] Во избежание соблазна для неофитов следовать за ними, нужно принуждать этих рутенов к соблюдению латинского ритуала в

[1] Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Под ред. Грекова Б.Д. и т.д. Л., 1938. С. 129 – 130.
[2] Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Под ред. Грекова Б.Д. и т.д. Л., 1938. С. 237.

тех случаях, когда известно, что они, упорствуя в греческом обряде, поступают вопреки источнику, т.е. Римской церкви»[1]. Видимо, русским миссионерам удалось «перевербовать» значительное количество новообращенных католиков из коренных народностей, раз информация дошла до самого папы Римского. Понятно, что русские князья были заинтересованы в таком миссионерстве, хотя, как уже было сказано, и не придавали конфессиональному вопросу первостепенного значения, в отличие от европейцев.

Были и периоды перемирия между немецкими прибалтийскими феодалами и русскими князьями. Генрих Латвийский сообщает даже о том, что немецкая Рига была некоторое время вассалом русского Полоцка. В хронике сказано, что в 1210 г. рыцари отправились в Полоцк, дабы снискать лояльности для Риги. Князь Владимир Полоцкий дал согласие при условии, что ливы продолжат платить ему дань или пусть за них платит Рижский епископ[2]. Таким образом, Рига признала себя формально данником полоцкого князя. Правда, на такие союзы европейцев толкала их периодическая слабость в чисто военном плане.

Даниилу Романовичу Галицкому удалось даже добиться от католиков невиданных уступок для Галицко-Волынской Руси, пользуясь временной слабостью крестоносцев (позициям Рима в Восточной Европе угрожала Литва[3]). В «Послании папы Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому. 26.VIII.1247», содержится такая фраза: «Итак, отзываясь на моления ваши, чтобы ни один из крестоносцев или иных монашеских орденов на занятых ваших землях и тех, что еще будут заняты, ни во что не вмешивался и не мог бы приобретать земельных владений без вашего на то благоволения, предоставляем [это] вашей власти»[4]. Дело в том, что, по словам В.Т. Пашуто,

[1] Послание папы Гонория III судьям в Ливонии. 8.II.1222 \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 206.
[2] Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Под ред. Грекова Б.Д. и т.д. Л., 1938. С. 136 .
[3] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 253.
[4] Послание папы Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому. 26.VIII.1247 \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 357.

«в отношениях с русскими князьями папа спекулировал на тех переговорах, которые он в это время вел с никейским императором о возможной унии церквей»[1]. В рамках этих переговоров, начавшихся в 1245 г., и было отправлено послание Даниилу.

Но и в Юго-Западной Руси не придавали значения унии. Об этом, по мнению Б.Я. Рамма, «говорит тот факт, что при Данииле Галицком безотлучно пребывал с 1242 г. намеченный им в митрополиты православный епископ Кирилл, которого князь и представил как своего кандидата на утверждение константинопольского патриарха, лишь только стала ясной вся бесплодность переговоров с римской курией (1248 – 1249 гг.)»[2].

Ценностная ориентация Даниила Романовича, являющаяся и основой для его политической культуры в целом, была такая же, как и у Александра Невского – это сохранение русской государственности. Правда, с той разницей, что галицкий князь видел эту государственность в рамках Юго-Западной Руси, а Александр – в рамках Северо-Западной и Северо-Восточной.

Даниил Романович пытался сохранить свою государственность посредством впечатляющей политики «маневрирования» между «Великой степью» и католическим миром. История взаимоотношений этого князя, в частности, с Римом, изучена достаточно. Стоит лишь сказать, что Даниил не собирался переходить под покровительство папы, как и курия не собиралась оказывать помощь князю в борьбе с монголами (о невмешательстве Римской курии в русско-монгольские дела речь пойдет в следующем параграфе). Обе стороны лишь туманно намекали, что теоретически могут выполнить желания друг друга. Ничего не изменил даже сильно обсуждаемый в историографии факт получения Даниилом Галицким титула «Rex Russiae» в 1254 г.

[1] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 253.
[2] Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV веках. М., 1959. С. 158.

Такой «взаимный обман» и был основой политической культуры отношений между Галицко-Волынской Русью и Римом в середине XIII в. Однако, после прочтения папских булл к Даниилу и анализа его политики складывается впечатление, что папа Римский (Иннокентий IV) куда больше верил в посулы галицкого князя, чем Даниил в инсинуации Рима.

2.2. Политическая культура русско-монгольских отношений

Сложнее всего, опираясь на источники, проанализировать политическую культуру русско-монгольских отношений. Русские летописи в этом плане так же лаконичны, как и при описании русско-европейских отношений, а западных источников, в которых встречается описание взаимовосприятия Руси и Монгольской империи, немного. Малополезными в этом отношение оказываются и арабские источники, в которых можно найти, максимум, описание культуры власти только у самих монголов.

Как уже было сказано, материал в летописях подается либо сухо, ограничиваясь сообщением факта того или иного контакта Руси с Золотой Ордой, либо сведения о Монгольской империи кажутся сильно искаженными летописцем. Но эти сухие факты многочисленны, а, значит, если сложить их все, то уже можно делать хотя бы предположения, например о том, что двигало русскими князьями при выстраивании определенных отношений с Золотой Ордой. А зная политическую мотивацию, можно уже делать выводы о культуре власти. К тому же, следует использовать сведения о политической культуре Руси в отношениях с другими государствами. Во-первых, здесь можно вычленить некоторые моменты общие для всей русской политической культуры в целом. Во-вторых, зная какие преимущественно складывались отношения (союзнические и враждебные) у того или иного князя с европейцами, можно догадываться, какие у него были ценностные ориентации в отношениях с монголами.

Тем не менее, из тех немногих западных источников, где описывается

Монгольская империя, можно почерпнуть интересную нам информацию. Главным из таких источников следует назвать, пожалуй, «Историю Монгалов, именуемых нами Татарами» Плано Карпини. Автор был францисканцем, который по поручению папы Иннокентия IV отправился в Монголию для установления дипломатических связей в 1245 г. Его путешествие продлилось около двух с половиной лет, и по возвращению в Лион Карпини принялся за написание своего труда[1].

В «Истории Монгалов» упоминается известный подвиг Михаила Всеволодовича Черниговского, описанный в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора». Михаил, будучи в Орде, отказался пройти один из обрядов монгольского шаманизма, сохраняя верность православию, несмотря на угрозу жизни. В итоге князь был убит по приказанию Батыя[2]. В «Сказании» еще говорится, что монголы обещали княжескому боярину Федору все владения Михаила Всеволодовича, если он, Федор, пройдет искомый обряд, но боярин также предпочел этому мученическую смерть[3]. Сам факт всего этого события, как и факт, что Михаил действительно продемонстрировал твердость в вере, не вызывают сомнения, т.к. они подтверждаются двумя несвязанными источниками. Стоит добавить, что спутник и переводчик Карпини – Бенедикт Поляк, также оставил после себя записи о путешествии в Монгольскую империю, известные как «История Татар брата Ц. де Бридиа»[4]. Этот труд также подтверждает известную нам историю гибели черниговского князя[5].

Подвиг Михаила Черниговского продемонстрировал нам, что средневековый феодал мог руководствоваться не только сугубо материалистическими мотивами, но и более высокими, такими как честь и

[1] Хенниг Р. Неведомые земли в 4 т. М., 1962. Т. 3. С. 43 – 46.
[2] Плано Карпини История Монгалов, именуемых нами Татарами \\ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 29.
[3] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. М., 1981. Т. 3. XIII век. С. 234.
[4] Аксенова С.В., Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб, 2002. С. 5 – 6.
[5] История Татар брата Ц. де Бридиа \\ Аксенова С.В., Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб, 2002. С. 116 – 117.

духовность. В свою очередь, Батый, требуя от князя исполнения обряда, навряд ли преследовал цель его унизить, также не стоит воспринимать это как свидетельство серьезного отношения хана к шаманизму. Возможно, Батый изначально имел цель устранить Михаила Всеволодовича и сделал это таким изощренным способом. Хан мог даже знать о характере князя, как и о том, что черниговский князь предпочтет смерть вероотступничеству. В свою очередь, и Михаил мог догадываться о том, что Батый намерен его устранить, и решил, что не стоит «оттягивать неизбежное».

Причины же ликвидировать Михаила Черниговского у хана действительно были. Для начала, стоит сказать, что по сообщению Тверской летописи под 1240 г., Михаил убил в Киеве послов военачальника Мунке, который, в свою очередь, был послан в Киев Батыем[1].

Смерть черниговского князя может быть даже следствием союза Ярослава Всеволодовича и Батыя. Михаил был достаточно влиятельным князем на Руси, и его могущество могло порой сравниться с влиятельностью того же Ярослава или Даниила Галицкого. Следовательно, в частности, Ярослав Всеволодович вряд ли был заинтересован в такой конкуренции. В свою очередь, Батый, как было описано в первой главе, оказывал протекцию интересам Ярослава. К тому же у Ярослава и Михаила уже были конфликты в прошлом. Как сообщает Лаврентьевская летопись под 1230 г., ряд духовных лиц (Черниговский епископ Порфий, игумен киевского монастыря Спаса на Берестове Петр Акерович и митрополит Кирилл III) и некий стольник Киевского князя Владимира Рюриковича – Юрий, занимались урегулированием одного конфликта между Михаилом и Ярославом[2]. К тому же, Михаил Всеволодович в 1243 г. лишился Киевского престола, который перешел по ярлыку Ярославу[3].

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1863. Т. 15. Тверская летопись. С. 374.
[2] Полное собрание русских летописей в 43 т. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. С. 455.
[3] Фроянов И.Я. Древняя Русь IX – XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С. 1033.

В Анналах Бертонского монастыря упоминается, что на Лионском соборе 1245 г. присутствовал некий «рутенский архиепископ Петр», который повествовал собору о монголах[1]. В историографии нет однозначно мнения, насчет личности этого Петра, но ряд историков, в том числе В.Т. Пашуто и Л.Н. Гумилев, считают, что это и был тот самый игумен Петр Акерович. Согласно этим историкам, Михаил Всеволодович, сделал Петра митрополитом, затем оправил его в Лион для соискания помощи в борьбе с монголами[2, 3]. Однако Батый узнал об этом, потому и решил покончить с черниговским князем[4]. Словом, Михаил Всеволодович, скорее всего, уже был давним врагом хана Батыя по ряду причин.

Русский источник («Сказание») представляет нам в другом свете и боярство в лице некоего Федора, который также сознательно пошел на гибель вслед за князем. Этот факт идет в разрез с уже сложившимся в отечественной историографии мрачным стереотипом о боярской политической культуре, которая основывалась на сплошь приземленных интересах.

Такой же нехороший стереотип, сложился и об отношениях между князьями и боярами, но опять-таки оба источника дают нам информацию в противовес устоявшемуся мнению. В «Сказании» говорится, что Федор поддержал Михаила в его благоверности, более того, мудрой речью еще более убедил князя в правильности намерений[5]. В «Истории Монгалов», в отрывке, посвященном Михаилу Черниговскому, содержится такая фраза: «Тогда один из его [Михаила] воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас

[1] Анналы Бертонского монастыря \\ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. М., 1979. С. 180 – 182.
[2] Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 62.
[3] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб, 2001. С. 476.
[4] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб, 2001. С. 476.
[5] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. М., 1981. Т. 3. XIII век. С. 232.

воспоследует вечное веселие»»[1]. Скорее всего, «воином» Карпини и называл боярина Федора. В пользу этого свидетельствует также то, что далее, как говориться в источнике, этот «воин князя» был умерщвлен сразу после Михаила[2].

Убийство Михаила Черниговского по приказанию Батыя – пример того, насколько русско-монгольская политическая культура была преисполнена всяческих изощренных политических маневров, доходящих порой до немыслимого коварства. К тому же, это подтверждается многими другими фактами из истории русско-монгольских отношений, а также тем, что как для русской, так и для монгольской политической культуры было характерно вероломство, которое так любили изобличать западные хронисты (не гнушаясь, однако, преувеличивать). В частности, тот же Плано Карпини не скупился на описание монгольского коварства и непредсказуемости в своем труде.

В «Истории Монгалов» находится еще одно интересное сведение, но уже касательно князя Ярослава Всеволодовича. Описывая курултай 1246 г., в результате которого на великоханский престол взошел Гуюк, Плано Карпини подчеркивает, что из более чем 4 тысяч присутствующих послов и властителей, особый почет был оказан Ярославу и самому Карпини[3]. Это может лишний раз подтверждать, что князь, как минимум, был в положении привилегированного вассала Монгольской империи с широкой автономией.

Более информации касательно политической культуры русско-монгольских отношений в «Истории Монгалов» нет. Прочие сведения о русских у Плано Карпини либо слишком лаконичны и не позволяют делать никаких выводов, либо, на наш взгляд, не заслуживают доверия. Не стоит забывать, что Карпини смотрел на Азию через призму западного

[1] Плано Карпини История Монгалов, именуемых нами Татарами \\ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 29.
[2] Плано Карпини История Монгалов, именуемых нами Татарами \\ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 29.
[3] Плано Карпини История Монгалов, именуемых нами Татарами \\ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 75.

миропонимания. К тому же, с азиатским менталитетом он столкнулся впервые и потому шокирующее впечатление от увиденного заглушало у Плано Карпини здравый смысл – это также стоит учитывать.

Еще одна черта политической культуры русско-монгольских отношений – это противоречивость, доходящая до парадоксальности. Отчасти, это обуславливалось взаимодействием менталитетов. С одной стороны, была характерная «русская непредсказуемость» (о которой говорилось в первой части настоящей главы), с другой – тонкое «азиатское коварство».

Пример вышесказанному – эпизод из осады Киева войсками Орды в 1240 г., приведенный в Ипатьевской летописи. Там говорится о некоем тысяцком Даниила Галицкого – Дмитре, попавшем в плен во время осады, однако, монголы, восхищенные мужеством тысяцкого, сохранили ему жизнь[1]. Более того, летописец утверждает, что хан даже прислушался к совету Дмитра поскорее покинуть русские земли и устремиться в Венгрию: «Дмитрови же Кыевьскомоу тысяцкомоу Даниловоу рекошу Батыеви мози стряпати в земле сеи долго время ти есть на Оугры уже поити аще ли встряпаеши земля ти есть силна сбероуть на тя и не поустять тебе в землю свою»[2]. Таким образом, даже если Батый и восхитился отвагой, проявленной Михаилом Черниговским перед смертью, то, в любом случае, государственные интересы хан поставил выше. В свою очередь, Тысяцкий Дмитр, если верить летописи, благодаря своей храбрости, наоборот, сохранил себе жизнь в монгольском плену.

Как нам показывает пример Михаила Всеволодовича, Золотая Орда по мере возможностей пресекала далеко заходящие контакты некоторых князей с католическим миром, враждебным Монгольской империи. Однако, как отмечает С.В. Бахрушин, в фундаментальном коллективном труде «История

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 785.
[2] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 786.

дипломатии» (где, кстати, изложена негативная оценка русско-монгольских отношений): «вмешательство хана в международные отношения «Русского улуса» ограничивалось теми случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды»[1].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что и Римская курия со своей стороны не собиралась оказывать военной помощи, на которую рассчитывали некоторые князья в борьбе с монголами. Русский зарубежный историк церкви Н.Н. Воейков, писал: «Разумеется, Иннокентий IV, как позже и Евгений IV, никакой реальной помощи оказать не мог, а на его воззвание к крестовому походу против татар, обращенное к Чехии и Польше, никто не отозвался, настолько силен был страх перед монголами»[2]. Б.Я. Рамм считал, что «Римская курия, прежде всего, рассматривала вопрос о татарах с точки зрения того, не может ли их нашествие облегчить Риму расширение границ его власти»[3]. Более того, по мнению историка, своим бездействием «папские дипломаты оплачивали помощь монголов против «сарацин» на Ближнем Востоке»[4]. Таким образом, те из князей, которые серьезно верили в возможность союза с Римом, заведомо занимали проигрышную позицию: Европа не хотела и не могла им помочь, а Монгольская империя стремилась от них избавиться.

Общеизвестный факт, что Золотая Орда и отдельные русские княжества вели совместные войны. Монголы зачастую воевали за какого-либо князя в междоусобных конфликтах, а русские участвовали в монгольских завоевательных походах в Азии и Европе. Приведем интересный пример второго случая (завоевательные походы), описанный в Ипатьевской летописи. Там сообщается, что в 1261 г. под начальством Бурундая был предпринят совместный русско-монгольский поход в польские

[1] Бахрушин С.В. Дипломатия на Руси XII – XV веков. \\ История дипломатии в 3 т. М., 1941. Т. 1. С. 129.
[2] Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Мн., 2000. С. 317.
[3] Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV веках. М., 1959. С. 150.
[4] Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV веках. М., 1959. С. 158.

земли (русское войско возглавлял Волынский князь Василько Романович)[1]. Летописец придал этому походу ореол вынужденности: якобы, Бурундай требовал от князей Юго-Западной Руси идти с ним в Польшу в доказательство их лояльности к Орде. Тезис о вынужденном участии русских в кампании весьма распространен и в историографии.

Однако, в польских источниках никаких данных о незаинтересованности Руси в этом походе нет. Более того, в Великопольской хронике (где наиболее подробно и красочно описано вторжение в Польшу[2]), говорится, что русские князья даже обманом выманили из Сандомирской крепости поляков, которых тут же вероломно принялись истреблять татары[3] (в хронике поход описывается под 1259 г. и эту дату следует считать верной).

Как бы то ни было, факт совместной военной компании в Восточной Европе остается фактом. Галицко-Волынская Русь не могла все время красиво маневрировать между Великой степью и католическим миром. Иногда приходилось и делать выбор в пользу Золотой Орды, несмотря на сильные пролатинские позиции в регионе. В любом случае, все князья (и галицко-волынские не исключение) всеми средствами избегали борьбы на два фронта – это и было, пожалуй, одним из базисов внешней политики, а значит, и политической культуры. Северо-Восточная Русь была достаточно прочно настроена на союз с Монгольской империей, следовательно, там ценностные ориентации князей во внешних отношениях были стабильными, что способствовало более последовательной политике в целом. В Юго-Западной и, отчасти, в Северо-Западной Руси настроения, относительно союзников, были куда более переменчивы, следовательно, складывалась более противоречивая внешнеполитическая культура.

Делая краткий вывод о политической культуре русско-монгольских отношений, можно сказать, что со стороны Владимиро-Суздальской Руси –

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. СПб, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 848 – 855.
[2] Щавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу \\ Восточная Европа в Древности и Средневековье. М., 1978. С. 308.
[3] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. М., 1987. С. 184 – 185.

это была культура «младшего» военно-политического союзника, со стороны Галицко-Волынской – культура контролируемого нейтрального государства. В обоих случаях, стоит признать, сохранялось подчиненное положение к Монгольской империи. Сложнее было с Новгородом, но т.к. на протяжении большей части XIII в. город был вовлечен в орбиту «суздальской» политики, Северо-Западную и Северо-Восточную Русь можно в этом отношении уравнять. Стоит, однако, сделать поправку на временами появляющиеся пронемецкие настроения в Новгороде и Пскове.

В целом, ценностные ориентации Руси и Монгольской империи в отношениях друг с другом были куда более неоднозначными (сильно «разветвленными»), нежели в отношениях Руси и Европы. Потому, дабы получить полное представление о политической культуре Руси в контактах с Великой степью, стоит анализировать эти отношения на всем их протяжении, вплоть до конца XV в. Более того, пожалуй, следует рассматривать отдельно отношение каждого князя к Золотой Орде, и каждого хана к различным частям Руси с учетом как русских, так и монгольских междоусобиц.

ГЛАВА 3. Применение результатов исследования в преподавании истории в средних общеобразовательных учреждениях

В данной главе будет представлен дидактический материал в виде заданий для старшего звена средней общеобразовательной школы.

В силу специфики понятия «политическая культура» и необходимой глубины знаний по отечественной истории, данные задания применимы для десятого класса и желательно – для урока обобщения и систематизации новых знаний. Рекомендуется, чтобы данный урок проводился после изучения всех тем по отечественной истории, касающихся XIII в. В любом случае, учащиеся на момент предоставления учителем данных заданий уже должны владеть темами, условно называемыми «Татаро-монгольское нашествие на Русь», «Западная экспансия на Русь» и «Культура Древнерусского государства».

Форма той части урока, на которой выполняются задания, является одновременно лабораторной работой и семинарским занятием. Таким образом, форма всего урока должна быть смешанной (лабораторная работа, семинар и оставшаяся часть урока, форма которой определяется по усмотрению учителя).

Задания направлены на актуализацию уже имеющихся знаний учащихся, на совершенствование навыков по работе с источниками, на развитие аналитического мышления и на повышение уровня эрудиции в плане исторических знаний. Более того, подобные задания позволяют сформировать критический подход к истории и показывают, насколько многогранна историческая наука – что помогает расширить исторический и общий кругозор учащихся.

Ниже будут представлены задания с использованием раздаточного материала.

Задание 1. Прочитайте два отрывка из двух разных русских средневековых источников. Подумайте, о каком князе говориться в первом

отрывке, а о каком – во втором. Оба князя жили в XIII в.

Свой ответ аргументируйте с опорой на источник и на уже имеющиеся знания. (Если по какой-то причине класс не справляется с заданием, учащихся можно подтолкнуть к верному выводу с помощью подсказок. Например, можно назвать имена четырех князей и сказать, что о двух из них идет речь в источниках или пояснить, что один из князей родом из Юго-Западной Руси, а другой – из Северо-Восточной).

I. «Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: “Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших – Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем”». [Князь] же […], подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова и до распятия Его и Воскресения, от Воскресения же Его и Вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого Собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси»[1]. (Первый отрывок посвящен Александру Невскому).

II. «Прислал папа почетных послов, принесших венец, скипетр и корону, которыми выражается королевское достоинство, с речью: «Сын, прими от нас королевский венец». Он еще до этого присылал к нему епископа береньского и каменецкого, говоря: «Прими венец королевский». Но в то время [князь] их не принял, сказав: «Татарское войско не перестает жить с нами во вражде, как же могу я принять от тебя венец, не имея от тебя помощи?» Опизо пришел и принес венец, обещая: «Будет тебе помощь от

[1] Повесть о житии и о храбрости благоверного и Великого князя Александра \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. М., 1981. Т. 3. XIII век. С. 437.

папы». Он, однако, не желал, и убедили его мать его, Болеслав, Семовит, ляшские бояре, чтобы он принял венец, говоря ему: «А мы будем тебе в помощь против поганых». […] Иннокентий предавал проклятью тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей»[1]. (Второй отрывок посвящен Даниилу Галицкому).

После того, как учащиеся выполнят данное задание, можно попросить их высказать личное мнение, какой из путей в отношениях с Западом кажется им наиболее верным, с опорой на итоги политики Александра Невского и Даниила Галицкого.

Задание 2. Историческая наука, наряду с другими гуманитарными дисциплинами, оперирует понятием «политическая культура». Оно характеризуется, как сфера культуры, вырабатывающая представления о цивилизационных формах политического процесса, оценки уровня его развития. Понятие политической культуры многозначно, оно включает политическую мысль, связи культуры и политической философии, оценку политических структур с точки зрения культуры, политического самосознания и политического поведения общества.

Прочитайте отрывок из Суздальской летописи, посвященный взятию Киева князем Рюриком Ростиславичем в 1203 г. Используя уже имеющиеся знания и сведения из источника, подумайте, какие черты могли отличать политическую культуру средневекового феодала.

«В лето 6711, 2 января, на память святого Сильвестра, папы Римского, взят был Киев Рюриком с Ольговичами и всей Половецкой землей. И великое зло было причинено Русской земле, какого от крещения не было над Киевом, были и беды и нападения, но не такие, как это нынешнее зло; не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и митрополью святую Софию разграбили, и Десятинную церковь святой Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы ободрали, а иные забрали, и кресты честные, и

[1] Галицко-Волынская летопись \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. М., 1981. Т. 3. XIII век. С. 331.

сосуды священные, и одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе, и это все забрали себе в полон. […] Все это случилось с Киевом за грехи наши: чернецов и черниц старых перебили, и попов старых, и хромых, и слепых, и горбатых, и больных всех перебили, а чернецов и черниц юных, и попов и попадей, и киевлян, и дочерей их и сынов их – тех всех увели иноплеменники к себе в вежи»[1].

Задание 3. Ниже представлен отрывок из Суздальской летописи, посвященный конфликту Михаила Черниговского и Ярослава Всеволодовича, которые были одними из самых влиятельных князей XIII в. На основе текста летописи, сделайте вывод о положении церкви в отношениях между русскими княжествами эпохи феодальной раздробленности.

«В лето 6738 (1230) […] от черниговского князя Михаила пришел епископ Порфирий; пришел с ними и игумен пречестного монастыря святого Спаса в Киеве на Берестовом Петр Акерович […]. Эти трое приходили с митрополитом, прося примирить Михаила с Ярославом. Ибо Михаил был не прав, нарушая крестное целование Ярославу, и Ярослав хотел идя на Михаила. Бог же не допустил этого; да исполнится писание святых, гласящее: блаженны примиряющие, ибо они сыновьями Божьими назовутся. И здесь также не оставил Бог труда митрополита и епископа Порфирия без понимания, и здесь исполнится писание певца: дивен Бог в Своих святых, Бог Израилев, ибо совершил дивное в эти дни; ибо послушал Ярослав брата своего старейшего Юрия и отца своего митрополита, и епископа Порфирия, и заключил мир с Михаилом, и была радость великая…»[2].

Задание 4. В гуманитарных науках, в частности, в политологии существует такое понятие как «ценностные ориентации в политике». Оно характеризуется как внешне- и внутриполитические цели, признаваемые

[1] Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку \\ Кузьмина А.Г., Фомина В.В. Повесть временных лет. М., 2014. С. 356.
[2] Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку \\ Кузьмина А.Г., Фомина В.В. Повесть временных лет. М., 2014. С. 389 – 393.

индивидом в качестве стратегических, корень которых лежит в индивидуальных мировоззренческих ориентирах.

Прочитайте отрывок из «Жития святого Александра Невского» и подумайте, какие ценностные ориентации Александра во внешней политике на Западном направлении передает данный источник. Попробуйте объяснить, чем были вызваны таковые ориентации.

«Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца. На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их – одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и наместников своих посадили. Наместников князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. […]

И так победил их помощью Божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. […]

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «Божии рыцари». […]

В то время умножился народ литовский и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его»[1].

Задание 5. Как в русских, так и в зарубежных источниках сохранилось упоминание о трагической гибели в Золотой Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского в 1246 г. Прочитайте отрывок из «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

«Проехав многие земли, прибыл Михаил к Батыю. […] И вот дошли они до того места, где были сложены горящие костры по обеим сторонам пути. И все поганые проходили через огонь и кланялись солнцу и идолам. Волхвы также хотели провести Михаила и Феодора через огонь. Михаил же и Феодор сказали им: «Не подобает христианам проходить через огонь и поклоняться ему, как вы поклоняетесь. Такова вера христианская: не велит поклоняться ничему сотворенному, а велит поклоняться только Отцу и Сыну и Святому Духу». Царь [Батый] сильно разъярился, и послал одного из вельмож своих, по имени Елдега, и сказал ему: «Так передай Михаилу: “Как посмел повелением моим пренебречь – почему богам моим не поклонился? Теперь одно из двух выбирай: или богам моим поклонишься и тогда останешься жив и получишь княжение, или же, если не поклонишься богам моим, то злой смертью умрешь”». […] Тогда ответил Михаил: «Тебе, царь, кланяюсь, потому что Бог поручил тебе царствовать на этом свете. А тому, чему велишь поклониться, – не поклонюсь». И сказал ему Елдега: «Михаил, знай – ты мертв!» Михаил же ответил ему: «Я того и хочу, чтобы мне за Христа моего пострадать и за православную веру пролить кровь свою». […] И тут приехали убийцы, соскочили с коней и, схватив Михаила и растянув

[1] Повести о житии и о храбрости благовернаго и Великаго князя Олександра \\ Бегунов Ю.К., Кирпичников А.Н. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб, 1995. С. 198 – 199.

ему руки, начали бить его кулаками по сердцу. После этого повергли ниц на землю и стали избивать его ногами. Так продолжалось долго. И вот некто, бывший прежде христианином, а потом отвергшийся христианской веры и ставший поганым законопреступником, по имени Доман, отрезал голову святому мученику Михаилу и отшвырнул ее прочь. После этого сказали Феодору: «Если ты поклонишься богам нашим, то получишь все княжество князя своего». И ответил Феодор: «Княжения не хочу и богам вашим не поклонюсь, а хочу пострадать за Христа, как и князь мой!» Тогда начали мучить Феодора, как прежде Михаила, после чего отрезали честную его голову»[1].

Подумайте, какие отрицательные стереотипы относительно средневековых феодалов (в частности, русских князей и бояр) существуют в исторической науке и в массовом сознании. С помощью текста источника попробуйте опровергнуть некоторые из этих стереотипов.

Далее представлены задания без использования раздаточного материала.

Задание 6. В гуманитарных науках, в частности в политологии существует такое понятие как «ценностные ориентации в политике». Оно характеризуется как внешне- и внутриполитические цели, признаваемые индивидом в качестве стратегических, корень которых лежит в индивидуальных мировоззренческих ориентирах.

Выберите любого русского князя, чье княжение приходилось на XIII в. и назовите ценностные ориентации, которыми, как Вам кажется, он руководствовался как во внешней, так и во внутренней политике. Ответьте на вопрос, можно ли выделить общие ценностные ориентации в политике для эпохи феодальной раздробленности на Руси?

Задание 7. В XIII в. в русских княжествах были две основные тенденции относительно выбора союзников. Во Владимиро-Суздальской

[1] Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. М., 1981. Т. 3. XIII век. С. 230 – 235.

Руси доминировало мнение, что стоит делать ставку на союз с Золотой Ордой и вести решительную борьбу с католической экспансией. В Галицко-Волынской Руси был популярен курс, направленный на поиск компромисса с католическим миром, дабы воспользоваться его силами для борьбы с Монгольской империей.

Приведите обоснование мнения владимирских князей о необходимости жесткой позиции по отношению к католическому миру.

Дайте не менее двух объяснений позиции некоторых галицко-волынских князей, подразумевающей противостояние с Золотой Ордой.

Задание 8. В исторической науке активно обсуждается уже ставшая спорной точка зрения о том, что татаро-монгольское нашествие на Русь обернулось более, чем двухвековым «игом». Приведите два аргумента, подтверждающих эту точку зрения, т.е. что последствия нашествие были тяжелыми для Руси, и два аргумента, опровергающих представленную точку зрения, т.е., что, как такового, нашествия не было, а имел место взаимовыгодный русско-монгольский союз.

Задание 9. Историческая наука, наряду с другими гуманитарными дисциплинами, оперирует понятием «политическая культура». Оно характеризуется, как сфера культуры, вырабатывающая представления о цивилизационных формах политического процесса, оценки уровня его развития. Понятие политической культуры многозначно, оно включает политическую мысль, связи культуры и политической философии, оценку политических структур с точки зрения культуры, политического самосознания и политического поведения общества.

Далее представлены три точки зрения, относительно политической культуры русских княжеств XIII в.:

1) политическая культура была общей для всех русских земель;

2) каждое княжество отличалось собственной традиционной политической культурой;

3) русская политическая культура – это разнообразие личных культур

власти отдельно взятых князей.

Какая из представленных точек зрения кажется Вам наиболее верной? Свой ответ аргументируйте, используя не менее трех доводов.

(Данное задание можно несколько усложнить, если это позволяет сделать общий уровень исторических знаний учащихся, и предложить им дополнительно привести еще два аргумента против той точки зрения, которая кажется им в корне неверной).

Задание 10. Далее представлены четыре исторических деятелей эпохи зрелого (высокого) Средневековья: 1) Андрей Боголюбский, 2) Александр Невский, 3) Даниил Галицкий, 4) Дмитрий Донской.

Двое из перечисленных князей были последователями двух основных внешнеполитических курсов в XIII в. Назовите эти две внешнеполитические доктрины. Определите, какой из двух князей следовал какой из доктрин и кратко назовите итоги внешней политики каждого из этих двух князей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге нашего исследования отметим, что политическая культура русских княжеств в XIII в. не была явлением цельным. Это обуславливалось такими факторами, как: феодальная раздробленность, частая сменяемость правящей верхушки в княжествах, меняющимися приоритетами самого княжества или княжеской власти, внешнеполитическим влиянием (у каждого княжества были свои соседние государства, соответственно, единства в заимствовании культуры быть не могло) и тем, что в разных княжествах были разные взаимоотношения между боярской и княжеской властью.

По сути, в центре понятия русской культуры власти эпохи феодальной раздробленности лежит политическая культура княжеских династий (кланов), которая проходила свою активную фазу развития в XIII в. Правда, на ценностные ориентации этих правящих кланов могла влиять культурная и политическая специфика как того княжества, из которого происходил клан, так и княжества, на престоле которого оказывались представители династии. Как было показано в исследовании, ценностными ориентациями, наиболее отвечающими государственным интересам, обладал род Ярослава Всеволодовича. Во многом благодаря этому впоследствии именно Владимиро-Суздальская Русь стала центром возрождения единого русского государства.

Для истории русской политической культуры, вехой, лежащей в XIII в., стала II четверть века. В это время в силу экспансии на Русь, как со стороны Востока, так и со стороны Запада, стала в форсированном темпе формироваться внешнеполитическая культура, опередив внутриполитическую (которая стала переживать застой).

Политическая культура XIII в. была и явлением противоречивым. Это также обуславливалось рядом причин. Во-первых, ценностные ориентации русских князей были сильно вариативны: от высоких (честь, достоинство и др.) до низменных (жажда власти, личная выгода и др.); от рациональных

(сохранение государственности, расширение влияния и др.) до иррациональных (акцентуация на символических действиях и др.). Во-вторых, и в действиях княжеской власти тоже был большой разброс. Необдуманная прямолинейность перемежалась с изощренным коварством, конструктивные действия по укреплению государственности сменялись абсолютной деструктивностью. В-третьих, разной была политическая культура русско-монгольских и русско-европейских отношений в силу национальной, конфессиональной и культурной специфики каждой из сторон. Более того, разные князья и княжеские кланы расставляли различные приоритеты во внешней политике, на которые накладывались еще и традиционные приоритеты того или иного княжества.

С другой стороны, такая неоднородность и «сумбурность» политической культуры обусловили ее разнообразие. Благодаря этому, мы можем судить о том, какие ценностные ориентации каких политических деятелей оказались наиболее правильными и полезными для нашей страны. Ведь многие из этих ориентаций не потеряли актуальности и для политики современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. Анналы Бертонского монастыря \\ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 178 – 182.
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. – М.: Изд-во Московского университета, 1987. – 264 с.
3. Галицко-Волынская летопись \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 3. XIII век. – С. 236 – 425.
4. Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Под ред. Грекова Б.Д. и т.д. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 607 с.
5. История Татар брата Ц. де Бридиа \\ Аксенова С.В., Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб: Евразия, 2002. – С. 77 – 126.
6. Ливонская рифмованная хроника \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. – М.: Наука, 1966. – С. 202 – 215.
7. Ливонская рифмованная хроника \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 193 – 194.
8. Ливонская хроника Германа Вартберга \\ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края в 4 т. – Рига: типография А.И. Липинского, 1879. – Т. 2. – С. 87 – 133.
9. Новгородская I летопись старшего извода \\ Полное собрание русских летописей в 43 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – С. 15 – 100.

10. Плано Карпини История Монгалов, именуемых нами Татарами \\ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. – С. 23 – 83.

11. Повести о житии и о храбрости благовернаго и Великаго князя Олександра \\ Бегунов Ю.К., Кирпичников А.Н. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. – СПб: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 190 – 201.

12. Повесть о житии и о храбрости благоверного и Великого князя Александра \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 3. XIII век. – С. 426 – 439.

13. Полное собрание русских летописей в 43 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. – 488 с.

14. Полное собрание русских летописей в 43 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 38. Радзивиловская летопись. – 178 с.

15. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. – СПб: типография Л. Демиса, 1863. – Т. 15. Тверская летопись. – 504 с.

16. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. – СПб: типография Министерства внутренних дел, 1885. – Т. 10. Никоновская летопись. – 245 с.

17. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. – СПб: типография М.А. Александрова, 1908. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – 938 с.

18. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской археографической комиссией. – СПб: типография М.А. Александрова, 1908. – Т. 21. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. – 342 с.

19. Послание папы Гонория III судьям в Ливонии. 8.II.1222 \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 205 – 206.

20. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 23.I.1248 г. \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 262 – 265.

21. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 15.IX.1248 г. \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 268 – 270.

22. Послание папы Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому. 26.VIII.1247 \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 356 – 357.

23. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора \\ Памятники литературы Древней Руси в 12 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 3. XIII век. – С. 228 – 235.

24. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку \\ Кузьмина А.Г., Фомина В.В. Повесть временных лет. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – С. 262 – 424.

25. Стурла Тордарсон «Сага о Хаконе Хаконарсоне» \\ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М.: Русский фонд содействия образованию и Науке, 2012. – С. 528 – 532.

26. Хроника Ливонии Генриха Латвийского \\ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – С. 77 – 141.

2. Литература

27. Аксенова С.В., Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб: Евразия, 2002. – 478 с.

28. Бахрушин С.В. Дипломатия на Руси XII – XV веков. \\ История дипломатии в 3 т. – М.: ОГИЗ, 1941. – Т. 1. – С. 120 – 133.

29. Бегунов Ю.К. и др. Письменные источники о Ледовом побоище \\ Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места ледового побоища. – М.: Наука, 1966. – С. 169 – 240.

30. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.

31. Бредис М.А., Тянина Е.А. Орден Меченосцев против Руси. Первый германский поход на Восток. – М.: Алгоритм, 2013. – 400 с.

32. Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. – Мн.: Лучи Софии, 2000. – 656 с.

33. Горский А.А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского \\ Александр Невский и история России. – Новгород, 1996. – С. 64 – 75.

34. Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V – XIII вв. – М.: Вече, 2005. – 480 с.

35. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – СПб: Кристалл, 2001. – 767 с.

36. Гумилев Л.Н. От Руси До России. – М.: Рольф, 2001. – 320 с.

37. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 576 с.

38. Гуревич П.С. Политическая культура \\ Культурология. XX век. Энциклопедия в 2 т. – СПб: Университетская книга, 1998. – Т. 1. А – Л. – С. 124 – 126.

39. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. – 529 с.

40. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М.: Русский фонд содействия образованию и Науке, 2012. – 779 с.

41. Ильин К.А. Роль Русской православной церкви в борьбе с католической экспансией в XII – XIII вв. \\ Материалы Первых региональных образовательных Рождественских чтений, посвященных 700-летию памяти преподобного Сергия Радонежского. – Пенза: ПРО-УВПРО Пензенская Духовная Семинария, 2014. – С. 29 – 34.

42. Ильин К.А. Отношение католиков к православию в эпоху Крестовых походов \\ Материалы Вторых региональных образовательных Рождественских чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». – Пенза: ПРО-УВПРО Пензенская Духовная Семинария, 2015. – С. 112 – 117.

43. Карамзин Н.М. История государства российского в 12 т. – СПб: типография П. Греча, 1819. – Т. 4. – 556 с.

44. Каргалов В.В. Монгольское нашествие на Русь. XIII век. – М.: Просвещение, 1966. – 135 с.

45. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 кн. – М.: Сварог, 1995. Кн. 1. – 768 с.

46. Майоров А.В. Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича \\ Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2008. – № 4. – С. 78 – 96.

47. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. – М.: Индрик, 2002. – 488 с.

48. Соловьев С.М. История России с древнейших времен в 29 т. – СПб: Общественная польза, 1851. – Кн. 1. Т. 3. – 1726 с.

49. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 328 с.

50. Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. – СПб: Дмитрий Буланин, 1996. – 328 с.

51. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV веках. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 283 с.

52. Трусман Г.Г. Введение христианства в Лифляндии. – СПб: типография Ф. Елеонского и Ко, 1884. – 480 с.

53. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX – XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. – М.: Русский издательский центр, 2012. – 1088 с.

54. Хенниг Р. Неведомые земли в 4 т. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – Т. 3. – 469 с.

55. Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII – XIII вв. – СПб: Евразия, 2012. – 624 с.

56. Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию \\ Вопросы истории. – М., 1945. – № 1. – С. 112 – 116.

57. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII – XIII вв. – Л.: Наука, 1978. – 245 с.

58. Щавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу \\ Восточная Европа в Древности и Средневековье. – М.: Наука, 1978. – С. 307 – 314.

59. Янин В.Л. Новгородские посадники. – М.: Изд-во Московского университета, 1962. – 409 с.

60. Goetze P. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. – St.-Petersburg, 1854. – 200 s.